

**АЛЕКСАНДР
ШЛЯПИН**

НЕБО

НАШЕЙ

ЛЮБВИ

18+

Александр Шляпин

Небо в огне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72121771

SelfPub; 2026

Аннотация

Это история о молодых людях, на плечи которых выпало тяжелое бремя Великой Отечественной войны. Пройдя сквозь военное лихолетье, несмотря на кровь, потерю друзей, жестокие застенки ГУЛАГа, сохранили то чувство любви и бескорыстной дружбы, которое в жизни дается только один раз.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	18
Глава четвертая	38
Глава пятая	48
Глава шестая	60
Глава седьмая	66
Глава восьмая	74
Глава девятая	88
Глава десятая	104
Глава одиннадцатая	123
Глава двенадцатая	133
Глава тринадцатая	163
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Александр Шляпин

Небо в огне

«Тот самый длинный день в году

С его безоблачной погодой

Нам выдал общую беду

На всех – на все четыре года»

К. Симонов

Глава первая

Леди

Ленка Лунева появилась в нашем дворе примерно, года за три до начала этой проклятой войны. Из худой, угловатой девчонки с пшеничными косами, она вдруг незаметно, превратилась в статную барышню приятных форм и ангельской красоты. Вероятнее всего она пошла в мать, Галину Алексеевну Луневу, которая была гордостью не только Офицерской слободы, но и всего Смоленска. Ленка росла без отца. Мать рано овдовела и была одинока. После смерти мужа, красного командира РККА, который погиб на Дальнем востоке во время боев за Халхин-Гол, она с дочкой вернулась в родной город – Смоленск.

Галина Алексеевна была прекрасным врачом. Она трудилась во второй «Советской больнице» в хирургическом отделении. За свою добрую душу, и волшебные руки, дарованные ей богом, завоевала она в те нелегкие годы безграничную любовь смолян.

Вот так, новая жизнь семейства Луневых, покатилась в обычном, и размеренном ритме простой советской семьи. Их пристанищем стала комната в двухэтажном деревянном

доме, где была обычная коммунальная квартира на четыре семьи с печным отоплением. На деревянных лестницах тех домов всегда воняло котами, которые метили свою территорию, керосином и низкосортным углем, которым топили печи. А еще в таких домах жили огромные черные тараканы. Днем они прятались по углам и щелям в ожидании ночи. А когда хозяева прятались по комнатам, они выползали из щелей и принимались за ревизию территории кухни, в поисках съестного. Несмотря на свалившиеся, на семью Луневых трудности, Ленка умудрялась после уроков общеобразовательной школы, учиться в школе музыкальной, по классу фортепиано.

Каждый день в одно и то же время, она по тропинке проходила мимо большого куста сирени, который рос в нашем дворе. Под его раскидистыми ветками пряталась дворовая шпана, которая скрывалась от родительского глаза. Там стоял стол, который поставили местные мужики, чтобы играть в домино, и пить пиво подальше от своих семейств. Пацаны резалась в карты на щелбаны, окурки, и даже жалкие медяки, которые удавалось заработать.

Здесь была свобода: здесь можно было курить, ругаться матом, и не опасаться тяжелых отцовских оплеух. Здесь за этим столом, хранившим тайны карточных баталий ребята выросли. Здесь они постигали науку жизни, настоящей мужской дружбы и первой юношеской любви, которая по мере взросления приходила в их сердца. Вчерашние мальчишки

повзрослев, уезжали на комсомольские стройки, уходили в красную армию, где превращались в настоящих мужчин. Девочки выходили замуж, покидали этот двор и растворялись со и семьями на просторах необъятной страны.

Ленку в нашем районе знал каждый. Она как некоторые девчонки того времени не была, похожа на пацана с разбитыми коленками. Она была не только красивая, но и какая—то совсем не современная. Таких называли барышнями. Она была не по годам серьезная, наверное, потеря отца повлияла на ее характер. За умение красиво одеваться, за милое ангельское личико, которое украшали ямочки на щеках, и эти, чертовски соблазнительные губы, получила Ленка Лунева прозвище Леди.

Ребята, по своему не совсем углубленному образованию почему-то считали, что Леди с английского языка переводится, как девушка внеземной красоты. В присутствии Луневой, ребята, неизвестно по какой причине «надувались», словно удода в период брачных игр и изображали из себя английских джентльменов. Как по команде они тушили окурки, и переставали ругаться матом, стараясь показать свое революционное воспитание. Возможно, где-то в душе, каждый мечтал, что именно на него Ленка обратит свое внимание, и непременно одарит нежнейшим поцелуем.

— Гляньте пацаны, Ленка на фортепиане тринкать шпилит! Она не чета Светке и Вальке, она настоящая краля! Издалека видно белая кость! — вздыхая, говорил Сенька Хво-

щев, по кличке Хвощ. – Если бы мне было лет пятнадцать, я бы закадрил ее. Я мальцы, люблю пианину и люблю, когда кто-то играет.....

– Белая кость! Закадрил? – повторял Синица, растягивая рот в ехидной улыбке. – Ты Хвощ, кто такой? Ты кадритель, свою рожу конопатую в зеркало зырил? Тоже мне – ухажер нашелся!? Ты еще зелень сопливая! Нет не по твоему карману краля! Ей принца на белом коне подавай..... Ты шкет малолетний и тебе еще рано о девушках думать. Женилка у тебя еще не выросла.....

Сенька Хвощев недовольно шурился. От этих физиономических ужимок, казалось, что конопушки на его роже становились еще больше, сочнее и сливаются в одно рыжее пятно.

– А, что я!? Да, это правда! Я пока еще не вырос, но когда я вырасту, я знаешь, каким буду..... Я буду, как Петр Алейников из фильма «Большая жизнь», или как Ваня Козловский..... Я буду петь, а Ленка будет мне на пианине аккомпанировать.....

– Петр Алейников – Иван Козловский?! Ой, держите меня семеро – пятеро не удержат! Эй, мужики, вы видели нового Петра Алейникова? Вот – посмотрите – это Семен Хвощев, собственной персоной! Сидел бы уже артист-аферист, – говорил Синицын, и, шутя, натягивал козырек кепки Семену на глаза. Пока тот старался вылезти, он отвешивал ему сочный подзатыльник, и дворовая компания заливалась смехом.

– Санек, хорош. Мне же больно, – кричал тот. – Не твори беспредел – сотрясение мозга мне сотворишь. Чем я мысли думать буду?

Ребята смеялись над Сенькой и на мгновение забывали о красавице Луневой, которая проносилась мимо них, и шла дальше, не обращая на парней никакого внимания.

– Ты Хвощ, придурок! Мозг нужно иметь, от рождения, чтобы его можно было сотрясти, – говорил Сеница.

– Нет, парни, серьезно. Гляньте на Ленку, она ведь не просто краля, Ленка, как настоящая английская Леди! Она просто как королевишна, – говорил Хвощ, отходя от подзатыльника.

Сеница вновь отпускал Семену «леща» и парни снова смеялись.

Все что происходило там во дворе, было Луневой, уже не интересно. Отрывки слов доносились до ее слуха, вызывая в душе легкий, веселый трепет, который обычно появляется при виде какой-то комической ситуации. Она не обращала никакого внимания на смех.

Ленка вышла из девичьего возраста и все, что было вчера не входило в сектор ее интересов. Она стала взрослой барышней. Теперь даже зрелые мужчины при виде такой красоты цокали языком, и не могли отвести глаз от этой необыкновенной красоты.

Глава вторая

Ферзь и Краснов

Сашка Фирсанов был одним из обитателей Офицерской слободы, который еще с ранних лет мнил себя местным лидером, и славился тем, что был шкодлив и вороват. Среднего склада паренек с наглой и хамоватой физиономией и бандитскими наклонностями, был грозой местных обывателей. Одевался он не броско – без намека на шик. Хромовые сапоги с приспущенными голенищами, в которых он прятал финку, сделанную собственноручно из старого напильника, да форма ремесленного училища, брюки, которые он заправлял в сапоги, начищенные до зеркального блеска. Вот и все наряды, которыми на тот момент располагал Фирсан.

Сашка был почти ровесником Краснова, их разделяло всего каких-то два три месяца. Еще в детстве они были дружны, но постепенно с взрослением их интересы разошлись и каждый по жизни пошел путем. Сашка выбрал путь своего папашы, который в довоенном Смоленске слыл авторитетным жуликом по кличке «Гнусавый».

В воспитании сына он участия никакого не принимал. О

том, что у него есть отец, Сашка узнал лишь в семь лет, когда его отец освободился из лагеря, и впервые появился в доме матери. С того самого времени Сашка полюбил его и всячески ему подрожал.

А в тридцать шестом, отца убили где-то на Запольной. Убили свои же – блатные, с которыми он «чалился» в одном лесном лагере в челябинской области, когда отбывал последний срок. Его труп случайно нашли, месяц спустя, в овраге на Рачевке, и тогда Сашка, поклялся найти, и отомстить тому, кто лишил его отца жизни.

После его смерти, Фирсана, словно подменили. Он как-то сразу порвал дружбу со всеми дворовыми пацанами, и очень быстро влился в криминальную струю. Почувяв дух свободы. Парень настолько распоясался, что изменить его жуликоватое мировоззрение стало практически невозможно. А после седьмого класса, он пошел учиться в школу фабрично-заводского ученичества. закончить, его он не успел. Скорешившись, с местными жуликами и ворами, он забросил учебу, и освоил промысел на улицах ночного города, нападая со своей компанией на достопочтимых, хорошо одетых горожан.

Список задержаний Фирсанова в отделы НКВД, полнился с каждым днем. Сначала это были незначительные правонарушения, но со временем, его список его подвигов начинал пополняться, более серьезными проступками, которые уже переходили в ранг уголовных. Хотя и был в те годы возраст

уголовного наказания снижен до двенадцати лет, Фирсанов, под действие уголовного кодекса пока не дотягивал. Но не за горами был тот час, когда капкан советского закона, должен был захлопнуться с целью неотвратимости наказания за его делишки.

Слободские пацаны знали, что Фирсан, увлекшись жиганским образом жизни, осознано пошел по этому пути, и только Краснов, да Сеница, которые раньше дружили с Фирсаном, знали, что у него была совсем иная цель. И вот.....

В один из весенних дней, устроил Фирсанов Сашка «толковище», так называли урки какие-то свои разборки. На пустыре – в районе ручья, слободские пацаны каждый день гоняли в футбол. Там и состоялась импровизированное посвящение новоиспеченного жигана и жулика Сашки Фирсанова. Он появился случайно – без всяких предварительных договоренностей.

– Привет зяблики! Ну что пузырь гоняем? Я тут по случаю, решил заглянуть в родные места, – сказал Фирсан, пыхтя папироской.

– И что приперся, – спросил его Сеница. – Соскучился?

– Да вот, хочу местной шпане рамсы раскатать. Эй, бродяги, слушайте Сашу Фирсанова!

Ребятня, гонявшая мяч, с интересом замерла в ожидании и подтянулась поближе, чтобы не пропустить самого интересного.

– Так зяблики, зарубите себе на носу! Я повторять больше не буду. Для всех вас, с сегодняшнего дня «Фирсан» умер, – сказал Сашка, вызывая смех.

– Фирсан умер?! Ха– ха –ха! Фирсан умер! – загалдели пацаны, глядя на этот иронический спектакль одного актера.

– Меня теперь все смоленские жулики зовут «Ферзем», – сказал он, демонстративно разминая кулаки. – Я хочу, чтобы и вы тоже меня звали «Ферзь»..... Кто будет путать с «Фирсаном», будет мной схвачен и жестоко отхреначен. Закатаю на два метра ниже поверхности земли,– сурово сказал он. – Шутить больше не буду! Надоело!

Фирсанов вытащил из-за голенища хромового сапога блестящую финку. Ловко крутанув ее пальцами, он показал, что у него серьезные намерения. Увидев нож, в руках Фирсанова малолетние обитатели улицы Музейной и Офицерской слободы впали в ступор.

Его выходка была какой-то дурацкой, и совсем никому не интересной. Что он хотел этим сказать – так ни кто не понял. Вероятно, что в тот момент он искал признания и подтверждения своего лидерства, но пацаны отнеслись к его выходке вполне спокойно и без восторженных эмоций. Ни кто еще тогда не знал, что его появление вызвано не инициацией, а чем-то другим, что не укладывалось в логику.

Все знали, что Сашка влюбился, влюбился, в Леди, безумно, как влюбляются все юноши его возраста. А еще все знали, что с Луневой «ходит» Краснов. Значит, между ними

скоро должен был состояться «серьезный разговор», который должен был расставить всё на свои места.

Время неумолимо летело вперед, а жизненные приоритеты нового районного авторитета, перестали волновать местных обывателей. Фирсанов ударился в гастроли, и больше времени он проводил далеко на воровских «малинах» и притонах, с такими как он лихими парнями.

В те предвоенные годы в Смоленске кличка «Ферзь» постепенно стала обрастать слухами о его криминальных подвигах. Среди смоленских жуликов, которые обитали по значным местам, молодой «Ферзь», был пока еще известен не особо. Но такое положение было до того момента, пока на его жизненном пути он не встретил бывшего поделщика его покойного папаша.

Это был известный вор и жулик Ваня Шерстяников (по кличке «Шерстяной»), После того, как он освободился из мест лишения свободы, Ваня появился в их доме, словно желанный гость.

– Ты Санек, теперь остался за отца и должен «блатовать» за своего папашу, и быть как и он в авторитете..... Я подсучусь, чтобы жиганы, признали тебя за своего..... Хочешь быть Ферзем – будь им, -говорил Шерстяной, приступив к обучению своего кореша воровской жизни. –Живи как ты хочешь, а не как хотят легавые и прочие сявки..... Ни в чем себе не отказывай..... Хочешь биксу – бери себе любую, которая тебе нравится. Бабы, они ведь, любят пацанов наглых

и решительных..... Если кто-то против, сажай его на жопу, или на штырину! Помни Саша, ты жиган, и живи, как жиган, по воровским понятиям.....

По мере того, как Лунева превращалась в барышню, она все больше и больше становилась объектом повышенного внимания взрослеющих ребят и молодых мужчин. По вечерам, когда сумрак спускался на смоленские улицы, Ферзь все чаще и чаще стал появляться на пути Луневой, когда она возвращалась с учебы. Изначально подходить близко, он побаивался и держался на дистанции. В один из вечеров, на его пути возник Краснов.

Жиган Фирсанов, был для Ленки Луневой абсолютно не интересен. Но вопреки этому, Ферзь всеми силами старался добиться ее расположения.

А Фирсан был ей не симпатичен: торчащий из-под кепки чуб русых неухоженных волос, конопушки на бледном и ехидном лице, отторгали ее от ухаживания юноши. Пока Сашка искал признания среди жуликов, Ленка свои девичьи предпочтения успела отдать Краснов. Она просто потеряла голову, увидев в нем того, кто станет не только парнем, но и отцом ее детей.

Лена знала Валерку с того самого момента, когда три года назад она вернулась с матерью в Смоленск. С первой же минуты, он настолько понравился ей, что девичье сердце приятно затрепетало в ее груди, и эти новые, ранее неизвестные чувства, стали ее маленьким секретом. Несмотря на его воз-

раст, она чувствовала в нем надежный мужской стержень, который отличал его от многих ребят того времени. При его появлении девичье сердце замирало, а «бабочки», спящие в душе, вспархивали, и начинали «кружить» внутри живота, передавая телу нежный и приятный трепет.

Красавец Краснов рос в интеллигентной семье. Его отец был майором РККА. Он работал военпредом на тридцать пятом военном заводе авиационных двигателей.

В отличие от самозванца Фирсанова, Краснов не обладал, ни природной наглостью, ни богатырской силой. Будучи сыном красного командира, он был спокоен, умен и рассудителен, и не по возрасту выдержан. Эти качества позволяли ему при помощи своего душевного обаяния и остроумия, решать самые заковыристые проблемы. Среди дворовых пацанов, «Красный», как прозвали его друзья, прослыл настоящим и надежным «мужиком». Многие хотели водить с ним дружбу. Валерка был бескорыстен, и предан друзьям, до самых кончиков ногтей.

Его отец, майор ВВС РККА по выслуги лет и по здоровью, был списан из летного состава, и, переведен служить на моторный завод военным представителем. Он был той последней инстанцией в технологическом процессе сборки и ремонте самолетов, которая, давала добро на его эксплуатацию. Должность, которую занимал отец Краснова, предполагала многогранное общение в кругах городского и партийного руководства. Он был уважаем, и обладал непрерываемым

авторитетом.

Ребята из рабочих семей, проживавшие по соседству, завидовали Краснову, «белой завистью». Ведь каждое утро за его папашей, приезжал блестящий черный автомобиль, который советские люди прозвал «Эмка» за марку «М-1».

В конце тридцатых годов он стал настоящим символом власти, символом достатка и символом принадлежности к партийной или силовой элите.

В свободное от учебы время Валерка, как и ребята из Офицерской слободы гонял в футбол, играл в карты, и даже втайне от родителей пробовал курить табак. В его карманах почти всегда водилась копейка, которую он никогда не жалел на благо общего дела. В случае острой необходимости, ради друзей, он без всякого сожаления мог расстаться с любой суммой карманных сбережений. За свою доброту и бескорыстность ребята уважали его.

Устоять перед колдовскими чарами Луневой у Краснова не было никаких шансов. Он не мог не влюбиться, в это милое и очаровательное существо с ямочками на щеках, которое лишила его сна и спокойствия. Один раз она глянув на него, запустила в его душе такие биологические процессы, которые стали выворачивали парня наизнанку. Он влюбился – влюбился впервые, с первого взгляда, как влюбляются все на кого спускается с неба подобная благодать и эти сердечные страдания.

Глава третья

Противостояние

Случилось это происшествие в то время, когда до конца учебы школы оставалось меньше месяца. По мере взросления, беспечная суета стала надоедать Краснову до самых печенок. Днем он погружался в изучение истории, математики, основ аэродинамики, а вечером, скинув с плеч груз познания жизнеутверждающих истин, выходил на улицу, чтобы развеяться и отдохнуть от насилия над собственным мозгом.

– О, Красный, привет! На свидание к Леди спешишь, – спрашивал Синица, увидев уставшее лицо друга.

– Надоело! Рехнуться можно..... Прогуляться хочу. Все зубы сточил о пресловутый гранит науки..... Один закон Бернулли чего стоит.....

Синица угостил Валерку папироской и он, закулив, уже, как взрослый пуская дым, отвлекался от навалившихся на него проблем с учебой.

– А оно тебе надо, – спросил Сашка, – чего грызть, то что грызть не хочется..... Я вот свое отгрыз и теперь – гуляй купечество! В футбол не хочешь погонять? Я слышал смена

активности, обогащает мозг кислородом, от чего его продуктивность многократно увеличивается. А то скоро позеленеешь.....

Краснов отшучивался. Перекинувшись в карты пару конов с играющей ребятней, он тихо и незаметно исчезал. Сунув руки в карманы широких брюк, он семенил на свидание с Луневой и где-то в кулуарах мозга придумывал монолог, который выдаст Ленке при встрече.

– Краснов, – услышал он за спиной голос Сеницы, – Хвощ возле школы Ферзя видел, со своей компашкой..... Они час назад, ошивались, около «Пятнадцатого»..... Копейки там сшибают на куреху. Будь осторожней, у него «перо» в правом сапоге, – кричал Сеница в след. – Брюхо проколет, будет тебе и авиация, и пехота с пулеметом.....

По поводу отношений Краснова с Луневой парни не упускали случая и постоянно шутили. Когда Валерка уходил, ребята откровенно завидовали. Завидовали той завистью, которая появляется в тот миг, когда твой друг уже влюблен и спешит в кино с девушкой, а ты, еще играешь в карты и с завистью смотришь ему вслед, мечтая о своем времени.

Ухаживания Краснова, Ленка приняла без всяких условий – раз и навсегда, словно моментально сожгла за собой все мосты. Если бы он в тот момент предложил бы ей выйти замуж, она бы не сомневаясь ни секунды, сделала бы это, не смотря на свои шестнадцать лет.

Однажды, отвергнув ухаживания Ферзя, она в ультима-

тивной форме потребовала от него, никогда больше не пересекать ей дорогу. Ферзь был в шоке. Он не привык слышать слово – нет. Какое-то время он прибывал в полной прострации, пока его голова включилась для анализа. Но прошло и трех дней, Фирсанов решил повторить попытку и вернуть Луневу в свое влияние.

Сашка наивно полагал, что Ленка, как и другие девчонки, скучают по беспечной жизни, и она с радостью примет его предложение встречаться с ним. Но он ошибался. Ему даже в голову не могло прийти, что кроме него, кто-то имеет больше шансов на её сердце. Он знал, что это Краснов, поэтому пока не придавал этому значения, считая, что тот не сможет противостоять его силе и напору.

Но все случилось иначе;

В один из апрельских вечеров, после занятий в музыкальной школе, Ленка как всегда возвращалась домой. Школа имени М. И. Глинки, размещалась в верхних этажах дома Ранфта на Пушкинской улице, которая считалась в Смоленске центром города.

Она даже не заметила, как следом за ней кто-то идет. Как только она вошла в проходной двор, она повстречала Фирсанова. Выбрав момент, он догнал ее, и крепко схватил за руку. Ленка почувствовала, что от него пахнет дешевым вином, поэтому можно было ожидать всего.

– Ну, здравствуй крошка..... Твой зайчик тебя дождался, – сказал Ферзь, прижимая к себе хрупкое тело девушки.

Лунева не растерялась. Она нырнула ему под руку, увернулась, и с разворота стукнула его по голове картонной папкой, где лежали ноты.

– Еще раз ты ко мне прикоснешься, я тебе амлет сделаю из двух яиц.....

– Что ты меня, – спросил Ферзь накручивая обстановку.....

– Я скажу Краснову, – ответила она.

– И что, Краснов, набьет мне рожу, – спросил он закури-вая.

– Ты Санька, дурак! Ты, что не можешь понять, что ты не нравишься мне! Ты никогда, никогда не сможешь мне понравиться, даже если вдруг станешь принцем датским! Ты посмотри на себя, на кого ты похож..... Ты жулик! От тебя воняет вином! Ты одет, как конюх.....

– А что девушки не любят таких как я, – спросил Фирсанов, стараясь насильно обнять Луневу. -Или такие, как Краснов, тебе нравятся больше?

– Краснов! Краснов он совсем другой – он в тысячу раз лучше тебя! Краснов он умный, он красивый и в отличие от тебя, очень надежный и воспитанный! А надежность—это именно то, что нужно девушкам.....

Фирсанов завелся. Он видел лицо Луневой, и думал только об одном-он мечтал поцеловать Ленку в ее пухленькие губки, которые возбуждали его.

Но тот самый миг, когда он второй раз схватил Луневу,

появился Краснов. Он явно знал, где ходит Ленка, и всегда шел на встречу чтобы встретиться с учебы

– Здравсте, – сказал Краснов, оказавшись за спиной Фирсана. – Руки свои убери Саша.

– Ты чего!? Ты на кого стружку пилишь, – сказал Ферзь, – ты фраер дешевый? Зенки растопырь! Не видишь, мы тут с девушкой общаемся, – сказал Ферзь. – Иди дальше-куда шел или я.....

Ленка как-то изловчилась, и вновь вывернулась из объятий Фирсанова. С разворота она еще раз врезала ему ребром папки по лицу. Удар точно пришелся в нос. Кровь не заставила себя ждать. Она потекла по губам и подбородку. Тот опешил. Он не знал, что делать: толи бросаться в драку, толи затыкать нос, из которого шла кровь.

– Ты, что Леди, совсем охренела? Ты что шуток не понимаешь, – сказал Фирсан, прикладывая ладонь к носу. – Я же просто так – шутя....

– Шутя Саша, щупай свою бабушку, а от Лены руки убери..... Больше предупреждать не буду..... Я сломаю тебе нос.....

Краснов, достав носовой платок, подал его Фирсанову, чтобы тот остановил кровь.

– Утрись – ухажер, – сказал он спокойно.

Внутри Фирсана взорвался вулкан. Подобного конфуза «король» местной шпаны не мог простить бывшему другу. В детстве они дружили, но сегодня Валерка был для него вра-

гом номер один.

– Ну, что скоро свидимся, – сказал сквозь зубы Ферзь, и сплюнул на землю кровавую слюну.

А уже на следующий день, заслал Сашка к обидчику своих гонцов. Они передали Валерке кусок пачки из-под «Казбека». На клочке картона химическим карандашом было написано время. Это был вызов. Вызов на дуэль.

– Короче Краснов, в Заалтарной, возле монастыря. Завтра в десять утра тебя будет ждать Ферзь. Не придешь ты поц....

– Фирсану, что по рылу не терпится получить?

– Просил передать на словах: Кто одержит верх, тот и будет встречаться с Леди. Смотри не сдрейфь! Мы на Ферзя поставили по рублю. Ха-ха-ха....

– Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела, – сказал Валерка без намека на страх. Я посмотрю, кто кого прихлопнет, – спокойно сказал Краснов. Он брезгливо скомкал кусок картонки, и, ехидно усмехнувшись, бросил его на дорогу.

Бой влюбленных «маралов» должен был состояться вдали от посторонних глаз в развалинах одной из башен смоленской крепостной стены, недалеко от Авраамиева мужского монастыря. Посмотреть на поединок собралась вся Кронштадтская, Музейная и часть Офицерской слободы.

Там в самом дальнем углу смоленской крепостной стены среди битого кирпича, ржавого железа и обвалившейся штукатурки должен был решиться вопрос – быть или не быть Краснову, ухажером Луневой. Исход этого поединка должен

был окончательно поставить точку в споре: кто останется с девчонкой, а кто будет повержен в честной схватке и по закону жанра, уйдет на задний план.

Хулиганистый и шkodливый Ферзь к тому времени подна-торел и набрался опыта в отстаивания своих интересов кулаками. Он был уверен, что во всем районе равных ему в кулачном бою нет, и он, за несколько секунд сможет справиться с любым соперником. Фирсанов видел себя победителем. Ему в голову не могла придти мысль, что в подобном споре решают не кулаки, а тот из-за кого начинаются подобные турниры. А это была Лунева – только она могла выбрать того, кто был мил ее сердцу, и с кем она хотела прожить до глубокой старости в любви и согласии, как когда-то святые Петр и Февронья.

Развалины Заалтарной башни гудели, словно трибуны легендарного Колизея. Все ждали того, что крепкий Ферзь, сможет одержать верх, и набить Краснову морду. Ни кто на Валерку не решался ставить и ломаный грош, но в тот день все произошло, как раз наоборот. Краснов, не имел права быть поверженным. По этой причине собрал все свои силы и умение в единый кулак. Не мог он тогда уступить Фирсану – не мог. Не судьба была ему пасть на «ристалище» подобно влюбленному рыцарю, ведь уроки по боксу и джиу-джитсу, которые он брал втайне от своих друзей, когда-то должны были принести свои плоды.

Рассевшись на камнях, как в партере театра, пацаны в

ожидании мордобоя, закурили, и бурно обсуждая предстоящие эпохальные события, дымили самокрутками. Вот–вот на импровизированном ринге должны были сойтись темные и белые силы.

В точно назначенное время – ближе к началу великого поединка, на тропинке возле башни в компании своих верных друзей, появился Краснов. Одет он был, словно на праздник Октябрьской революции: синий бостоновый костюм из военного отреза, сидел на нем, как на дорогом заграничном манекене в городском универмаге «Люкс». Это придавало ему не только уверенность, но и тот шарм, от которого замирали все местные девушки. Его респектабельный вид, настолько порастил пацанов, что они единодушно пришли к мнению: что Краснов драться до первой крови не будет, и пришел сдаться Ферзю без боя. Зрелище предстоящего мордобоя еще не начавшись, уже как им казалось –находилось под страхом срыва.

Явился Ферзь на поединок с другой стороны крепостной стены минутой позже Краснова в компании блатной шпаны, которую он возглавлял. Фирсан вошел в башню–через пролом, который когда–то еще давно был разрушен взрывом французского пороха – в годы похода Наполеона на святую Русь.

Фирсанов, ввиду своего криминально – социального происхождения, похвастать богатством жиганского гардероба не мог. Старый ФЗУшный форменный пиджак, галифе, да зала-

танная фланелевая рубаша, подпоясанная ремнем, придавала ему вид эдакого, взбунтовавшегося пролетария, угнетенного жирными «котами» капитализма. Из-за голенища хромового сапога торчала рукоятка финки. Фирсанов с рисованным гонором поднялся на грудку битого кирпича, и, встал перед Валеркой, словно Дантес перед Пушкиным. Во рту у него торчала папироса, которую он перебрасывал языком из одного уголка в другой.

– Ну что, Валерунчик, ты готов получить по дюнделю? – обратился он к Валерке, стараясь с первой минуты взять инициативу в свои руки. – Или мы сразу перейдем к процедуре примирения – на моих условиях?

Краснов был спокоен, словно сытый удав, лежащий под солнцем.

– Саша, мне, кажется, ты блефуешь? Ты что думаешь, я сегодня смогу отказаться от удовольствия начистить тебе рожу, – спокойно спросил Краснов.

– Кто ты такой – заморыш? В слободе каждый знает – ты Красный – слабак! У тебя против меня, нет никаких шансов! Так что давай поднимай грабли и вали домой.

– Шансов нет только у того, кто в гробу лежит, потому, что он покойник, – сказал спокойно Валерка. Он сняв пиджак, отдал его Синице.

– Кто живой, у того всегда есть шанс.....

Он не спеша закатил рукава рубашки, и приняв боксерскую стойку, сказал:

– Ну что – я готов....

– Не рано ли ты меня хоронишь, – ответил Ферзь, стараясь запустить в своей душе механизм лютой ненависти к бывшему однокласснику и другу.

– Валера, у Фирсана за голенищем финка..... Он же дурак, может и в живот пырнуть, – сказал шепотом Синицын.

– Да, я вижу, – спокойно ответил Краснов.– Это же ни для кого не секрет! Об этом весь Смоленск знает, что Ферзь ходит с заточкой из напильника, потому что боится биться на кулаках.

Соперники начали сходиться. По закону жанра, Ферзь, первый бросился на Краснова. Он хотел ударить его в челюсть, чтобы иметь ошеломляющее преимущество, но Валерка умело парировав удар, ушел в сторону. Увернувшись, от тяжелого кулака Ферзя, он тут же стукнул его левой рукой в печень. Глаза Фирсанова от неожиданной боли, чуть не вывалились из орбит. Он отскочил, схватившись за бок, прошипел:

– Ах ты, сука....

Отдышавшись, Ферзь вновь пошел в атаку. Его желание довести драку до логического конца затмило ему разум. Он начал терять контроль над и действиями, а удары Краснова попадали точно в цель.

– Что фраер, приемчики знаешь, – спросил Ферзь. – Не помогут тебе твои приемчики. Я сильнее тебя! А против лома – нет приема!

Краснов улыбаясь, сказал:

– Если нет другого лома, – ответил Валерка, – Не буди лихо – пока оно спит тихо! Еще хочешь получить по сопатке?

Серия ударов, которая должна была достичь лица Краснова, вновь, как и в первый раз пролетела мимо. Краснов пригнулся, и мгновенно повернувшись к нему спиной, нанес Ферзю увесистый удар в челюсть с разворота локтем. Такого Сашка не ожидал. Кепка улетела с головы. Фирсан схватившись за лицо, провалился в «темный подвал» нокдауна.

Публика, видя преимущество Краснова, начинала набирать обороты, переходя в дружное скандирование. Ни кто из парней не ожидал от Красного такой прыти. В какой-то миг Сашка пришел в себя. Он вскочил на ноги, и, пошатываясь, пошел на Валерку, словно разгневанный бык.

– Да я тебя....

– Ты никто, – сказал ему Краснов.

– Да, я тебя порву, как «Тузик» тряпку – завопил Ферзь. Распсиховавшись, он выхватив из-за голенища финку и решительно пошел на Краснова, махая впереди себя ножом. – Я же тебя сука, попишу, черт ты бодливый, – завопил он.

– Ну, раз на то пошло, то и мы не лыком шиты, – сказал Валерка.

Он брезгливо посмотрел на Ферзя, и достал из кармана брюк маленький дамский «Браунинг».

– Ох –завопила толпа, –так не по правилам!

Сняв «Браунинг» с предохранителя, он направил ствол

в сторону Фирсана. Увидев перед собой вороненый, и совсем не игрушечный пистолет, он оторопел. Впервые в жизни струсил. Нет, не струсил. Он просто опешил от такой неожиданности, когда перед ним показался черный «зрачок» среза ствола. Он даже не успел моргнуть глазом, как два выстрела, сделанные под ноги, охладил его пыл. Осознав, что Краснов вооружен, Фирсан инстинктивно отпрянул назад. В ту секунду он понял, что Валерка на этот раз шутить не будет. Убить не убьет, но калекой сделает на всю жизнь. Молодому жигану стало ясно, что Краснов находится на той грани, за которой кончались детские шалости, и начинались настоящие мужские разборки. В этот момент, когда в него целился ствол, что-то щелкнуло внутри Фирсанова, и мысли вновь ворвалась в его мозги:

– «Стрельнет же гад!»

Наличие «шпалера» придавало Краснову уверенность в своей правоте. Фирсан мгновенно пересмотрел взгляды на жизнь, решил завершить конфликт примирением. Чтобы достойно выйти из сложившейся ситуации, он решил для начала перейти на банальные оскорбления. Ферзь хотел спровоцировать Краснова на ответные действия, но тот стоял на своих позициях. Валерка был непоколебим.

– Ну, и что – шмальнешь?

– Шмальну Саша, – спокойно ответил Валерка. – Прострелю тебе колено, и ты никогда не исполнишь задуманного....

– Ты без «волыны» пустое место! Ты дурилка, меня решил

своей бабской «масленкой» напугать? Да не боюсь я тебя. Я Фирсанов! Не хочу, чтобы тебя легавые на кичу замурыжили. Ты там сдохнешь!

– Дурак ты Саша Фирсанов! Нужен ты мне, как собаке второй хвост! Брось заточку, и мы расходимся. Расходимся, как в море корабли!

– А ты зассал? Зассал! Слабо, шмальнуть в Сашу Фирсанова?

Валерка видел по лицу, Ферзя, что тот хочет закончить разборку. Он не хочет терять лицо лидера. Чем больше Ферзь корчил из себя благородного разбойника «Робин Гуда», тем больше была вероятность, что они вновь сойдутся в рукопашной схватке. Скривив рот в нахальной улыбке, Ферзь демонстративно обнажил на клыке фиксу из желтого металла. Пару месяцев назад ему вставил смоленский жиган Ванька «Шерстяной».

– Ты Ферзь, наверное, контуженный! Нужен ты мне, как зайцу подтяжки, – сказал Краснов. Он поставил «Браунинг» на предохранитель, и сунул его в задний карман брюк. – Дурилка ты Саша, – ты так и не понял, что детские шуточки остались уже в прошлом. Ты вымахал, как лось, а мозгами остался на уровне малолетки..... Неужели ты думаешь, что одержав надо мной победу, ты сможешь овладеть и Ленкой? Да не в жизнь! Она быстрее в Днепр с моста бросится, чем с тобой будет. Подохнешь ты Саша где-нибудь в лагере на лесоповале!

– Это мое дело, где подышать..... Не твоя забота, – сказал Фирсан, и, достав папиросу, прикурил.

– Я больше тебя предупреждать не буду..... Запомни на всю жизнь – будешь к Луневой приставать, я тебя привалю, как борова! Забудь ее, и иди своей дорогой! Нам все равно с тобой не по пути, – сказал Краснов, надевая пиджак.

Фирсан понял – он проиграл. Сделав несколько затяжек, он неудовлетворенно, поглядел на свою самопальную и некачистую финку, которую он так долго затачивал на наждаке, и, ухмыльнувшись, со всей силы зашвырнул ее куда-то далеко в руины.

– Хорошо! Считай, что сегодня была твоя правда! Только не думай Красный, что Саша Фирсанов сдрейфил, и повелся на твой тухлый базар. Нет! Я тебя не боюсь! Я думаю, что еще придет время, я мы встретимся один на один – без свидетелей! Вот тогда я покажу тебе.....

– Твои слова Шурик, да богу в уши, – сказал спокойно Валерка. –Всегда буду рад выбить тебе фикса.....

Тут до Краснова дошло – Ферзь отступил. Отступил, не потому, что испугался выяснять отношения. Он просто почувствовал, что сегодня Валерка был прав, и вся слобода поддерживала именно его. Саша знал, что Лунева любит Краснова и никогда не сможет принять его ухаживаний. А это означает только одно – они никогда не будут вместе. Это был изначально провальный проект, ради которого, он не желал рисковать своей жизнью.

– Подумаешь Ленка! Тоже мне фифа! Да, если мне надо будет, я себе столько Ленок найду.....

– Найди, сколько хочешь! Только отстань от Леди, – сказал решительно Краснов.

С этого дня судьбы Валерки Краснова и Саши Фирсанова окончательно разошлись, словно были они не из одного двора, а корабли разных стран на просторах океана.

Местная шпана, наблюдавшая за поединком, так ничего и не поняла. Разговор лидеров дворовых группировок, не имел никакого продолжения, и это начинало раздражать любителей поглазеть на рукопашную схватку.

– Фирсан, ну так что, будете сопли жевать, – крикнул кто-то из парней. – Вломи ему по «пилораме», чтобы юшки кровавой наглотался. – «Вломи, вломи, вломи», – закричали пацаны, подхватив призыв к активным действиям.

Эти слова, на мгновение зацепили Ферзя. Он, прищутив подобно хищнику глаза, вдруг неожиданно сказал:

– Видал Краснов, а народ твоей крови хочет. Может, продолжим? Я без финки, – ты без «шпалера»..... Один на один!

– Тебе это надо? Нет, у меня желания с тобой тут на публику бодаться!

Пока соперники разбирались между собой в споре, на выстрелы, которые пару минут назад прозвучавшие в руинах, уже поспешал местный участковый. Ему и было суждено поставить окончательную точку в этом споре.

Местный легавый дядя Жора, как звали пацаны участко-

вого уполномоченного, был из рабоче-крестьянских органов милиции. Услышав выстрелы, он сообразил, что кто-то из пацанов, балуется в развалинах найденным оружием, или стреляет из «поджига», сделанного из трубки насоса. На всякий случай он вытащил «Наган», и хотел было скрытно подойти к месту «ристалища», но зоркий глаз Семена Хвоща, заметил через пролом, мелькающую белую фуражку милиционера. В тот же миг пронзительный свист, прозвучал над головой дяди Жоры, и многогранным эхом отразился о крепостной стены.

– Атас! Пацаны, легавые!!!

Вся компания в мгновение ока вспорхнула со своих мест, словно воробьи с проводов. Тайными партизанским тропами, пацаны покинули место драки. Они мгновенно разбежались врассыпную по руинам, словно здесь никого и не было. Только Валерка Краснов да Сашка Фирсанов, остались стоять на месте напротив друг друга, стараясь показать свое я. Они молчали.

Дядя Жора, с револьвером в руках ворвался в башню.

– Что засранцы, попались!? Я вам, бляха медная, сейчас покажу, как из «наганов» палить! – сказал он, и подошел к Фирсанову. – Ну-ка ежики курчавые, выворачивайте карманы!

– А на балалайке тебе не сыграть, – спросил Ферзь, перекидывая папиросу из одного уголка рта в другой. – А то давай, мы сейчас с Красновым тебе камаринскую сбачаем, а ты

легавый, станцуешь по этому говнищу.....

– Форточку прикрой уркаган доморощенный, – сказал участковый. – Руки в гору!

Фирсанов поник, кочевряжась и как-то нехотя он поднял руки вверх. Дядя Жора уткнув револьвер в живот Фирсану, ошупал его и убедившись, что у того ничего нет, подошел к Краснову.

– Ну, а ты, что стоишь бедолага? Тебя Краснов, это тоже касается! Руки в гору, – приказал он, и Валерка без особого желания поднял руки.

Еще за мгновение до прихода милиционера Валерка сбросил пистолет на землю и ногой накрыл его кирпичом. «Браунинг» был маленький, и его легко было спрятать.

– Странно, – сказал участковый. – А кто тогда здесь стрелял?

– Кто стрелял, того уже дядя Жора, тю-тю – нет, испарился. – Твой белый мусорской френч шпана за версту увидела и сразу смылась.

– А вы что тут тогда делаете, – спросил милиционер, пряча «Наган» в кобуру.

– Мы дядя Жора, анекдоты друг другу рассказываем, – ответил Ферзь. – Про зайца, который заболел триппером и поэтому решил лечить глаза.

– Ты Фирсанов, пургу не гони – зайцы триппером не болеют! Ты думаешь, я не знаю, что у тебя с Красновым тут была стрелка забита. Мне доложили добровольные помощники

советской милиции..... И не анекдоты вы здесь друг дружке рассказываете, а решили выяснить отношения, кто из вас будет встречаться с пианисточкой Луневой.

– А кто это такая, – спросил Фирсанов, делая удивленную физиономию.

– А это Саша, та красивая девушка, которую ты, каждый вечер подкарауливал под музыкальной школой, пока тебе Краснов дорогу не перешел.

– Кто я, – переспросил Фирсанов.– Перекрестись, легавый! С ней —Краснов и гулял, а я причем? Вся Офицерская слобода этом знает, что это девушка Краснова.

Дядя Жора снял фуражку, и, вытерев со лба пот, сказал скрипучим голосом:

– Так, засранцы, считайте, что вам сегодня крупно повезло! Дядя Жора сегодня добрый до полного безобразия! В следующий раз Фирсанов, и тебя Краснов, я мошонки ваши выверну наизнанку! Вы у меня давно на карандаше! Если я найду у вас хотя бы один патрон, то я обоих посажу за бандитизм, – сказал участковый.

– Не положено! Нам еще восемнадцати нет, – ответил Краснов. –Да и статья дядя Жора, нам эта совсем не подходит.....

– Грамотный, что ли Краснов? Пусть тебе будет известно, но по уголовному кодексу Р. С. Ф.С.Р. от 1926 года по статье 182 – изготовление, покупка, сбыт и хранение огнестрельного оружия без разрешения, наказывается судом социальной

защиты сроком до шести месяцев. А по указу нашего вождя товарища Сталина, от апреля этого года, я имею право по достижении шестнадцати лет, произвести арест: тебя Фирсанов, и тебя товарищ Краснов..... Понятно вам ежики курчавые?

– Понятно, – сказал Валерка, опустив глаза.

– Я Краснов, не посмотрю, что твой разлюбезный папаша, служит военпредом на нашем авиамоторном. Это пусть народ его шишкой считает, но мне – плевать! Лет десять на лесоповале, я вам обоим гарантирую! Вот тогда и посмотрим, какие вы запоете песенки.

В эту минуту противостояния, глядя друг другу в глаза, пацаны вдруг поняли, что время разборок закончилось. Участковый дядя Жора стал именно той силой, которая мгновенно нейтрализовала их бушующую ярость и даже вернула в их головы помутившийся от любви разум.

– А ну, ежики курчавые, пожали друг другу руки, – сказал участковый.

Краснов без всякой злобы подошел к Фирсанову, и, глядя в глаза сопернику, пожал ему руку. Ферзь оторопел. Только, что заклятый враг Краснов, который десять минут назад хотел в него шмальнуть из «шпалера», пошел на мировую. Это для него был настоящий шок.

– Вот так вот – не хватало мне на участке разборок, – сказал дядя Жора. – А теперь брысь отсюда по домам. И чтобы я вас больше вместе не видел.....

Глава четвертая

Мяч

Весенний Смоленск, утопал в свежей зелени городских деревьев, которые буйством изумрудной поросли, украсили улицы, переулки, городские парки и сады. Купола Успенского собора, и других церквей, величественно высились над городом, и вся эта атмосфера придавала душе праздничное настроение. Благоухание цветущей черемухи наполнило воздух неповторимым ароматом, который будоражил внутренние струны, и настраивал девичьи сердца на волну предвкушения любви.

Только пацанам не было никакого дела до цветущей сирени и черемухи. Предстоящие каникулы уже вошли в их жизнь, сменив учебники, на футбольные мячи, удочки и велосипеды. Собравшись, на пустыре они с утра до самого вечера гоняли в футбол, поднимая ногами клубы рыжей пыли. Тяжелый мяч без камеры, пошитый из плотного брезента и туго набитый тряпками, летал из одной стороны в другую, гулко хлопая под ударами ног юных футболистов.

Каждое утро к кирпичному дому на улице Крондштад-

ская, где жил Валерка Краснов, подъезжала казенная «Эмка». Шофер подавал сигнал, возвещая о своем прибытии, и жители дома как по команде появлялись в окнах, реагируя на сигнал. Отец Валерки – высокий стройный майор в летной форме, служил на авиационном заводе представителем военного управления ВВС РККА. Каждое утро он, спускаясь к машине и пред тем как сесть, махал рукой всем жителям дома, словно товарищ Сталин, с трибуны мавзолея. Жители дома смотрели из открытых настежь окон, улыбались майору Краснову, и исчезали внутри квартир, продолжая утреннюю трапезу. Валерка, упершись локтями в подоконник, до последнего смотрел на отца, садившегося в машину, и где-то в душе, гордился тем, что его родной батька такой большой начальник. В эти минуты, словно в каком-то трансе, он погружался в наивные юношеские мечты, представляя себя бравым военным летчиком с личным автомобилем. Картинка предстоящей жизни, рисовалась в его воспаленных фантазиях, и он уже видел как красавица Леночка Лунева, идет с ним в свадебном платье под венец.

После того, как машина увозила отца на службу, Краснов, надышавшись свежего воздуха, уже с новыми силами возвращался к изучению исторических баталлий, с головой погружаясь в мир истории развития авиации. Он из кожи лез вон, стараясь вложить в голову, как можно больше знаний. Мечта стать военным ежеминутно и даже ежесекундно сверлила ему мозг, заставляя, через силу, преодолевать самого себя.

Он четко определил свою цель и ради этого был готов заниматься день и ночь. Поступление в школу военных летчиков, вот что он видел уже в следующем году. Небо, про которое ему рассказывал отец, с ранних лет манило его с невиданной силой. С ранних лет, Валерка взобравшись на крепостную стену, ложился на нагретый солнцем кирпич и часами с упоением смотрел в голубую бесконечную даль небосвода, представляя себя летящей по воздуху птицей. Он, каждый раз, закрывая глаза, отрывался от земли, и представлял, как возносится туда, где по его ощущениям он был должен обрести чувство свободы от земного притяжения.

А раз в неделю, гонимый призывом ЦК ВКПБ – «Комсомолец на самолет», комсомолец Краснов ходил в аэроклуб, и уже там, на практике осваивал и шлифовал науку преодоления гравитации. Допотопный фанерный планер У-2 стал для него первым самолетом, который покорила его рука и железной воле.

А по прошествии шести месяцев изучения теории, он впервые, отцепившись от «буксировщика», уже самостоятельно парил в воздухе на планере, испытывая немыслимую радость, которая снисходила в его душу откуда-то из вне, из космоса.

Однажды, оторвавшись от земли, и ощутив это волшебное и прекрасное чувство, Краснов настолько влюбился в это бирюзовое небо, что порой ему казалось, что никогда больше он не сможет прожить без крыльев, которые уносили его

навстречу его юношеской мечте.

А пока Валерка парил в восходящих потоках воздуха, Лунева, как бы отходила в такие минуты на задний план. Но раз от разу он все равно вспоминал о ней, мечтая, что когда-нибудь придет момент и он сможет показать ей, как выглядит родная земля с высоты полета птицы. Любовь к небу и любовь к Леночки Луновой настолько окрыляли его, что он не чувствовал под собой опоры. Все эти невиданные чувства были сконцентрированы в его душе, и направлены только на овладение искусством управления летательным аппаратом, который плавно скользил по небу, рассекая воздух широкими крыльями. Валерка самозабвенно, задерживая дыхание щенячьего восторга, смотрел на город с высоты, и не верил – не верил самому себе, что его мечта уже в этот самый миг трансформируется в реальность. Каждый раз, пролетая невдалеке от города, среди тысяч домов он безошибочно находил тот дом, где жила самая красивая и самая желанная.

– Эй, Красный – ты дома!? – прокричал с улицы Сашка Синицын. Он держал в руке рванный брезентовый мяч и смотрел в окно, глазами наполненными надеждой. Валерка, отодвинув белоснежную тюлевую штору, выглянул на улицу, и, увидев, компанию юных футболистов, спросил:

– Что надо!?

– Слушай Валерон, ты только особо не нервничай, но мы опять порвали «пузырь»! Помоги! Ведь у тебя знакомый сапожник. Попроси его – пусть он зашьет его капроновыми

нитками, чтобы он не рвался.

– А я что вам, неотложная помощь!? – отвечал Валерка. – Вы парни, за эту неделю четвертый раз рвете мяч. А я вам должен его ремонтировать.....

– Да ведь только ты, можешь уговорить дядю Моню..... Мы ему надоели, а тебе он пока еще верит! – кричал Синица. – У нас денег нет! Но мы обязательно заплатим – это, же копейки!

Валерка, бросив дела, закрывал учебник немецкого языка и спустился во двор, где его ждала родная ватага ребят.

– Ура! – орали пацаны, прыгая от радости. В карманах Краснова почти всегда звенела монета, и они знали, что Валерка никогда ради общего дела не зажилит и гривенника.

– Ладно, пошли, – сказал Краснов, и направлялся в сторону улицы Ленина.

Подхватив рваный мяч с торчащими из него тряпками, дружная компания юных футболистов, шла следом за ним, держа дистанцию. Там среди домов смоленской элиты в полуподвальном помещении, находилась сапожная мастерская старого еврея Мони Блюма.

Дяде Моне было уже много лет. Седая козлиная бородка была единственным украшением на его лице. По привычке, он постоянно ходил по своей мастерской, держа в зубах три кленовых гвоздя, которыми он подбивал кожаные подошвы дорогих нэпмановских ботинок. Эти деревянные гвоздики разбухали, и как бы срастались с воловьей кожей, намерт-

во держа спиртовую подошву. Горожанам нравилась аккуратная работа Мони, от того, у него всегда было достаточно клиентов из уважаемых горожан, чиновников высокого ранга, партийных бонз, до руководства НКВД.

— О, Валерочка, пожаловал, собственной персоной! — говорил дядя Моня, поднимаясь со своего рабочего стула, который для удобства, был оббит кожаными лентами.

В его мастерской пахло резиновым клеем и свежеевыделанной кожей, а его рабочий халат был весь измазан клеем, к которому случайно прилипли кусочки резины.

— Ви, — говорил он, — снова порвали «пузырик»? Видимо невиданные баталии бушуют на вашем дворовом стадионе, раз вы так часто рвете мои американские капроновые нитки, — спрашивал он, глядя на рванный мяч, через круглые очки, опущенные на кончик носа.

— Дядя Моня, заштопайте, пожалуйста! А то эти футболисты, будь они не ладны — от меня не отстанут, — говорил Краснов. — А деньги я занесу вам, на днях, как только батяня получит зарплату. Он мне каждый раз дает. К сожалению, сегодня, в моих карманах финансы, поют романсы.

Моня очень хорошо знал Валерку Краснова и всю его семью, поэтому верил ему, как своему сыну Давиду. Валерка никогда не подводил сапожника, и всегда вовремя возвращал то, что обычно был должен за ремонт потертых ботинок или мяча.

Моня брал мяч, аккуратно засовывал в него тряпки, и

с виртуозной ловкостью при помощи дратвы и шила, очередной раз зашивал мяч, придавая ему первозданную прочность. В эти минуты подобного таинства, пацаны, замороженные работой мастера, замирали, и, словно под гипнозом, наблюдали за каждым движением старого и мудрого сапожника.

– Держите, Валерочка, ваш «пузырь»! Я думаю, он вам еще немного послужит! Я вам советую купить себе кожаный мяч с надувной камерой, вот тогда бы вам, не пришлось бы тратить деньги на ремонт этого барахла. Сегодня у Мо-ни Блюма великолепное настроение. Я хочу вам Валерочка, сделать подарок. Старый еврей Моня Блюм хочет на долгие годы оставить вклад в развитие Советского спорта в городе Смоленске. Поэтому я не буду брать с вас деньги. Может, вы станете знаменитыми футболистами, которыми будет гордиться не только наш город, но и вся советская страна.....

– Дядя Моня, спасибо, – хором закричали пацаны. С криком ура они вновь бежали на поляну, чтобы к вечеру, вновь порвать то, что удалось исправить сапожнику.

На какое-то мгновение, Краснов оставался с дядей Моне-й наедине. Блюм, видя в нем родственную душу, предлагал выпить крепкого чая, чтобы немного побеседовать.

– Вы Валерочка, не спешите, – спросил он, чтобы поделиться тем, что наболело на его сердце.

– Нет, вроде бы..... Мне последний год осталось учиться.

Не хотелось, бы терять свою форму. У меня дядя Моня, есть желание поступить в военное училище. Хочу быть как отец военным летчиком. У нашего аэроклуба заключен договор с одесской школой военных летчиков имени Осипенко. Если повезет, то меня зачислят без экзаменов.

– Это очень хорошо, – говорил Моня, поправляя на носу очки. – А если война и вам придется воевать.

– Нет, не боюсь! Если завтра война, если враг нападет. Если темная сила нагрянет. Как один человек, весь советский народ, за любимую родину встанет, – пропел куплет Краснов, растягивая рот в улыбке.

– Ну-ну, – кивая головой, говорил Блюм. – Конечно, не приведи господь, но очень хочется посмотреть, как вы потом будете петь.

– Товарищ Сталин говорит нам, что мы будем воевать малой кровью и на стороне противника. А я дядя Моня, ему верю. Поэтому хожу в аэроклуб! Я между прочим уже на планере научился летать. И значок у меня есть «Ворошиловский стрелок». Вот так, вот! – похвастался Краснов не скрывая своего оптимизма.

– А вы товарищ, сами хоть верите в эти сказки? Несомненно, товарищ Сталин прав, но немцы я вам скажу тоже не промах. Они накопили горы всякого оружия. Они уже захватили Польшу. Всех евреев они согнали в какие-то страшные гетто в Варшаве. Они разорили в Германии все еврейские магазины и теперь преследуют нас на каждом шагу по все-

му миру. А теперь..... Теперь я знаю, точно, они пойдут на Советский Союз войной, и точно так же будут наводить тут свои порядки.

– Я дядя Моня, так не думаю, – сказал Краснов с верой в светлое будущее, – у нас с немцами договор о ненападении. Сам товарищ Молотов подписал его в прошлом году с министром Риббентропом.

– Я это знаю, Валерочка! Но поверьте мне, старому еврею Моне Блюму, война будет! Вот только когда? В этом году, через год или десять, но она будет. И помяните мое слово, Гитлер всех утопит в крови! Вы еще не один раз вспомните наш с вами разговор.

В тот момент Краснов был уверен, что это просто опасения старого человека, изжившего ум в борьбе за выживание, в условиях развитого социализма. В его голове никак не укладывалось то, что сказал Моня.

Молотов, Риббентроп, пакт о ненападении – все эти слова крутились в голове, создавая иллюзию непорочности договорных обязательств. Разве мог какой-то там Гитлер напасть на Советский Союз. Связи между государствами набирали обороты дружбы и взаимного сотрудничества, думал Краснов, изучая в первоисточниках об отношениях СССР и Германии. Да и отец был спокоен, и верил в то, что немцы не дураки лезть на страну с таким экономическим потенциалом. Он постоянно рассказывал, что неоднократно на завод приезжали немецкие специалисты и даже немецкие офицеры

из Люфтваффе. Они с любопытством знакомились с технологией и новейшими образцами советских военных самолетов, создаваемых на отцовском заводе. Принимали участие в учениях, и даже на дружеских встречах, играли в футбол. Нет, войны не должно было быть! К такому мнению пришел Краснов и не спеша направился в сторону дома.

Глава пятая

Подарок от фюрера

Время неумолимо отсчитывало минуты и секунды, приближая Краснова к судьбоносному моменту. В один из вечеров начала июня, когда Валерка собирался на свидание с Леной, отец как-то обыденно спросил:

– Сынок, чем ты завтра планируешь заниматься?

– Пацаны на Днепр на рыбалку звали, – ответил Валерка, «насторожив уши».

– А, что у тебя с немецким языком, – поинтересовался отец, заглядывая сыну в глаза.

– За четверть твердая пятерка, а за год будет известно через неделю, – ответил Валерка. – А что....

– К нам завтра, по договоренности с наркоматом обороны на завод прибывала партия экскурсантов из Германии. Летчики люфтваффе из эскадрильи «Кондор»..... У тебя есть шанс на практике проверить свои знания. Будет экскурсия по заводу. Дружеский футбольный матч, концерт и торжественный ужин посвященный советско-германской дружбе.

– А как.... Они же батя, в Испании.... Герника, Мадрид....

– Не задавай сынок, глупых вопросов. Наше дело принять, показать, обыграть и накормить. Мы сторона принимающая, и абсолютно индифферентная к политическим качелям наркомата иностранных дел.

– Я, наверное, поеду с тобой. Хочу опробовать свои знания, – сказал Валерка.

– Ну, тогда будь готов, – сказал отец. – Как пионер Вася....

– Всегда готов, – радостно ответил Валерка, и хлопнув дверью, скрылся из вида.

– Куда это он полетел, – спросил отец, отложив в сторону журнал.

– Куда – куда, ясно куда в «Синагогу»! В кино с Леночкой. Весь вечер собирался, – ответила мать.

«Синагогой» смоляне называли кинотеатр под странным названием «пятнадцатый», который находился в центре города на улице «Пролетарская». Позже она была переименована в «Коммунистическую».

Весь вечер Валерка был сам не . Даже Лунева заметила, что его мозги заняты чем – то таким, что встало камнем преткновения на их свидании.

– Краснов ты пугаешь меня, ты что болен, – спросила Лена, видя озабоченность своего ухажера.

– Все нормально! Я думаю, – ответил Валерка.

– Так нельзя думать. Весь вечер – ходишь и думаешь, ходишь и думаешь. В кино сидишь – думаешь. Если бы ты про меня думал, я бы тебя поняла. А я вижу, что ты дума-

ешь, черт знает про что, – спросила раздраженно Лунева. – Ты Краснов, какой-то сегодня холодный. Я, наверное, домой пойду.

– Я тебе завтра все расскажу, – сказал Валерка. – Отец меня пригласил завтра на завод. Там какая – то иностранная делегация приезжает. Он хотел, чтобы я попробовал свои знания немецкого языка, – сказал Краснов, держа Ленку за руку.

– Ну, и иди к немцам, – обиженно сказала Лунева и вырвавшись из объятий друга направилась в сторону своего дома.

– Лена, ты куда.

– Домой, – ответила Лунева.

– А я?

– А ты иди домой, и пиши немцам приветственную речь. А я уж как-нибудь обойдусь без тебя.

Ленка ушла. Краснов несколько минут стоял в ступоре напротив ее дома, и смотрел в окно. Он понимал, что Лунева обиделась, и теперь ему придется на следующем свидании объясняться перед своей подругой, почему весь вечер пошел насмарку.

Не смотря на то что Валерка вернулся домой за полночь, в шесть часов утра он как всегда вскочил с кровати, и натянув на себя трико, теннисные туфли, выскочил на улицу. Каждое утро для поддержания физической формы он совершал небольшие пробежки, которые длились сорок минут. За это

время он успевал пробежать около шести километров. Вернувшись, домой, Валерка мылся холодной водой, и только после этого завтракал.

– Ну, так ты готов ехать, – спросил отец, – или пойдешь на рыбалку....

– Я батя, вчера из-за этих немцев с Ленкой поссорился..... Весь вечер думал, что мне сказать такое, чтобы они не рассмеялись от моего немецкого.....

– Не переживай сынок, – сказала мать, и поставила перед Валеркой тарелку с яичницей, – у тебя ведь еще целый год. Найдем репетитора, и будешь, как огурчик.

– Gürkchen, – сказал Валерка по-немецки.

– Что....

– Gürkchen, это по-немецки огурчик.

Мать улыбнулась, и, положив руки на плечи сына, поцеловала в щеку.

– Ну, сынуля, коли ты знаешь, как по-немецки звучит слово огурец, значит, ты вполне можешь считать, что ты знаешь язык на уровне дипломата, – сказал отец и засмеялся.

Служебная «Эмка» въехала на территорию завода за пять минут до начала рабочей смены. До встречи гостей с заводской футбольной командой было около часа.

– Пошли я тебе покажу завод, – сказал отец, и повел сына по цехам.

Краснову младшему казалось, что время тянется, словно оно сделано из авиационной резины, с помощью которой в

небо запускают планер, но станки, рабочие и цеха с продукцией уводили его от томительного чувства ожидания.

В какой-то момент в кабинете военпреда зазвонил телефон. Майор Краснов поднял трубку.

– Майор Краснов на проводе, – сказал он.

В телефоне послышались звуки. Сообщили, что делегация люфтваффе прибыла и находится на проходной завода.

– Все было тридцать три раза обговорено и согласовано. Да, да, немцы приехали играть в футбол с заводской командой. Наркомат оборонной промышленности дал добро. Да кто их пустит шататься по цехам, – сказал военпред и положил трубку. Отец закурил и глубоко затянувшись, сказал:

– Немцев они испугались! Кто несет ответственность? Какая ответственность, если вопрос решался в Москве, – сказал отец. – Так, подъем! Немцы прикатили..... Пошли сынок..... Директор Алексей Иванович Шахурин с парткомом уже на проходной с караваем их встречают, будь они эти фрицы не ладны.

В десять часов Заводские ворота со скрипом открылись, и на территорию режимного предприятия, испуская клубы бензинового выхлопа, въехал заводской автобус с группой немецких летчиков. Немцы, не скрывая интереса, смотрели в окна, улыбались и приветственно махали руками.

Час назад немецкий транспортный «Юнкерс» Ю–52 приземлился на аэродроме «Смоленск северный». Завод использовал этот аэродром для своих производственных нужд

и по этой причине мог свободно принимать транспортные самолеты.

Сгорая от любопытства Валерка, подошел к группе встречающих. Он встал рядом с отцом, чтобы лучше рассмотреть летчиков знаменитого легиона «Кондор». Холеные хозяева Европы, вальяжно покидали автобус, и строились в шеренгу, перед руководством завода, держа в руках вымпелы с нацистской свастикой. Как подобает русским традициям, директор завода Шахурин, парторг завода и военный представитель встречали гостей хлебом и солью.

Запах дорогого одеколона вперемешку с дымом сигар, ударил в нос. Это было непривычно для советских людей, и именно этот факт больше всего засел в голове Валерки.

– Гутен таг, – сказал Валеркин отец и подал команду заводскому оркестру, который ко дню прибытия немцев разучил один из торжественных немецких маршей. Немцы улыбались, протягивали руки, для рукопожатий, и как-то неестественно позировали немецкому фотографу, который суетился перед гостями. Он щелкал фотоаппаратом и что-то говорил про русско-немецкую дружбу и показывал большой палец.

– Гер офицерен, ахтунг! Вы находитесь на территории тридцать пятого смоленского авиамоторного завода. Здесь мы производим моторы для наших истребителей И-16 и МИГ-3, а также для нового штурмового самолета, – сказал директор, не уточняя подробностей. Прошу вас, пройти в

заводской клуб. Там состоится торжественная часть нашей дружественной встречи.

Немецкие летчики, по гражданской войне в Испании, были уже знакомы с советскими самолетами, которых называли «Крыса», поэтому понимали, о чем идет речь. После того, как в авиационном парке Люфтваффе появился «Мессершмитт БФ–109», советские самолеты стали уступать инновационным технологическим самолетам немецкого производства. Летая в составе легиона «Кондор», они в бою опробовали «Ишаки» на убойность, и хорошо знали, как красиво горит «русфанер», если ее в упор расстреливать из пулеметов.

Молодой немец в звании фельдфебеля, фотографировавший немецкую футбольную команду, старался выбрать такой ракурс, чтобы зафиксировать заводские корпуса. Но суровые лица советских сотрудников НКГБ появлялись перед объективом в тот момент, когда немец нажимал на кнопку.

Валерий почувствовал, что пришел его звездный час, и он, подобравшись ближе к фотографу, он на сравнительно хорошем немецком сказал:

– Камрад, я рекомендую вам, не фотографировать заводские здания.

Немец удивился.

– Почему?

– Потому, что это секретная информация, – ответил Валерий.

– Валера, еще скажи этому немцу, что фотографировать завод, цеха и продукцию запрещено, это является государственной тайной. Если он будет продолжать, то эти парни из НКГБ отберут у него фотоаппарат и засветят пленку, – сказал отец.

Валерка кивнул головой в знак согласия, и продумав предложение, выдал на немецком то, что просил отец.

– О, ты юнге, неплохо говоришь по-немецки, – сказал фельдфебель. Я прекрасно понимаю, что это секретно. Не волнуйся, передай господам большевикам, что я больше не буду.

– Меня Валерий звать, – сказал Краснов.

– А меня– Франц–Йозеф Нойман, – представился немец на чистом русском, вызвав удивление. Он, козырнув Краснову, словно юнкер, щелкнул каблуками хромовых сапог.

– А я майор РККА Краснов Леонид Петрович, – сказал отец подходя со спины фотографа. – А это, мой сын Валерий, ответил он немцу.

Валерий подал свою руку, и фельдфебель, сняв перчатку, пожал ее. Он похлопал Валерку по плечу:

– У тебя неплохой немецкий.....

– А у вас неплохой русский, – ответил Валерка.

– Я русский..... Русский по матери..... Вернее, в моих жилах течет славянская кровь. Моя мать когда-то после вашей революции вышла замуж, за немецкого инженера Ноймана, и уехала с ним в Германию, оставив страну советов.

– Признаюсь честно, я рад нашему знакомству, господин фельдфебель, – сказал Валерка по-немецки. – Моей задачей была проверка моих знаний.

– Превосходно, – сказал летчик. – Можешь не переживать, у тебя, очень хороший немецкий. Если ты когда-нибудь будешь в Германии, ты вполне сможешь общаться. Мне кажется, что у тебя берлинский акцент....

– У меня есть хороший учитель, – ответил Валерий. – Я хочу, тоже быть военным летчиком. Я обязательно, буду летчиком Франц....

– Это очень похвально! Мужчина должен быть настоящим воином! – сказал фельдфебель, и вновь одобрительно похлопал Валерия по плечу. Франц-Йозеф достал из кармана две сигары в алюминиевых футлярах, которые в Советской России были в диковинку, и подал отцу. Другую, он хотел закурить сам, но крепкая рука майора Краснова остановила его.

– Господин фельдфебель, вы извините, но на территории нашего завода курить тоже запрещено. – У нас для этого есть специальные места.

– О, я, я! Я понимаю – хорошо! У меня дурная привычка курить, – сказал он, держа во рту сигару.

Валерка, почувствовав кураж, словно собачонка неотступно бегал за немцами сзади. Он ловил каждое слово. Каждую интонацию. Переважив ее в своей голове, он складывал эти знания на невидимые полочки своей памяти.

По немцам было видно, что чувствуют они себя вполне

уверенно, и даже где-то нагло. Летная форма, галифе, зеркальные хромовые сапоги завораживали своей безупречностью и каким-то военным немецким шармом.

Выступая в заводском клубе перед рабочими и летным составом испытательной эскадрильи, Франц-Йозеф Нойман, расстегнув китель, который украшал «Железный крест», рассказывал, как еще совсем недавно в бою с Бельгийскими летчиками, он за один вылет одержал сразу две победы. Вот за этот подвиг он и получил первый крест, которым очень гордится.

Тогда еще никто в СССР не мог предположить, что уже через год отношение к немцам изменится до-наоборот. Все эти нацистские побрякушки, вся эта безупречная форма будет олицетворением настоящего зла и всеобщей народной ненависти. Даже молодой фельдфебель Франц-Йозеф Нойман, ставший для Валерки Краснова объектом восхищения, в одно мгновение превратится из героя в матерого преступника и заклятого врага.

Но это еще только будет, а пока немцы и русские играли в футбол, пили пиво, закусывая их сибирскими пельменями. Ничего не предвещало осложнения обстановки между двумя великими народами. Но уже через двенадцать месяцев они будут смотреть друг на друга через прицелы пушек и пулеметов.

В плане встречи футбольный матч, немецкой военной делегации, был самым зрелищным и самым интересным. Нем-

цы, облачившись в бутсы, черные трусы и красные майки с нацистским орлом на груди, выглядели впечатляюще на фоне черных трусов, голубых футболок с золотым пропеллером на груди. По уровню игры и индивидуальному мастерству, смоленские заводчане ничуть не уступали немцам, а в некоторых моментах даже имели приемлемое преимущество. Два тайма на поле шла азартная и в тоже время технически интересная игра. Команда смоленского завода все же вырвала победу со счетом 2–1. Заводчане на последней минуте забили с пенальти победный гол.

После окончания матча, каждый немецкий летчик получил заводской вымпел, а немцы подарили заводчанам красные флажки с черным и ненавистным пауком гитлеровской свастики.

– А это тебе мой юный друг, – сказал Франц-Йозеф Нойман. – На, держи! Это тебе подарок от нашего фюрера..... Немец улыбнулся и бросил Валерке кожаный мяч.

– Огромное спасибо! – ответил по-немецки Краснов.

В эту секунду сердце паренька забилося в каком-то радостном ритме. Словно масляный насос оно погнало кровь по венам, которая отдавала в висках монотонными ударами метронома.

Мяч был кожаный. Его лакированные бока даже после такой напряженной игры ничуть не утратили своего первоначального зеркального блеска, и сияли глянцем. Этот подарок был, как никогда, кстати. Несмотря на его немецкое проис-

хождение, он открывал перед друзьями перспективы большого и настоящего футбола.

По окончании дружеской встречи заводской фотограф, собрав немецкую военную делегацию, запечатлел участников дружественной встречи на долгую память.

Разве мог тогда Валерка подумать, фотографируясь с немецкими асами, что совсем скоро, каждый из них превратится в личного врага. Разве мог он тогда подумать, что простой русский паренек из Смоленска, будет наводить на этих господ настоящий ужас. Разве мог он тогда представить, что судьба военного летчика вновь сведет его с кавалером рыцарского креста лейтенантом Нойманом, и он лицом к лицу встретится с ним уже не на футбольном поле, а в пылающем небе Родины.

Глава шестая

Разборки

На следующий день, после того, как немцы улетели обратно в Германию, Валерка пришел на поляну, где как всегда бушевали футбольные баталии. Ребят не было. Спрятав «пузырь» в тряпочную сумку, он развалился на длинном бревне, которое лежало рядом с поляной еще с каких-то древних времен. Весь его ствол давно был изъеден короедом, а голая и почерневшая от времени древесина была отшлифована до зеркального блеска ребячьими задницами, которые целыми днями восседала на нем, словно на трибуне стадиона.

– О, глянь пацаны, а Красный на «трибуне» развалился..... Наверно, загорает? – сказал Синица, первым увидев друга.

Валерка лежал неподвижно, скрестив ноги. Его кепка была натянута козырьком на глаза, и он делал вид, что дремлет.

– Эй, Красный, проснись, нас обокрали! – крикнул Синица, и вся компания заржала, реагируя на его острые шуточки.

– Что ржете!? Дайте мне спокойно полежать, – ответил Валерка, сдерживая себя от желания показать новый мяч.

– Ты с нами будешь «пузырь» гонять!? – спросил Синица, присаживаясь рядом. – У нас, как раз одного человека не хватает!

– Это тот «пузырь», который старыми фуфайками набит? – спросил Краснов, не поднимаясь с полированного ствола дерева.

– А у тебя, что лучше имеется? – спросил Синица, закуривая.

– А то! – ответил Валерка, натянув кепку почти на кончик носа.

– Тогда чего лежишь, кого ждешь? – спросил Сашка, пытая папиросой.

– Дай–ка мне дернуть, – попросил Валерка, и протянул руку. – Дымком ароматным что–то потянуло.....

Синицын три раза подряд глубоко затянулся, и, оборвав зубами, кончик папиросы, вставил ее между пальцев Краснова. Валерка, нащупав окуроч, всунул его себе в рот и глубоко втянул в себя горький и вонючий дым.

– Красноармейские? – спросил он, продолжая лежать на бревне. – Продирает до самой задницы!

– Нет, брат это – «Наша марка», – ответил Синица, давась от смеха.

– Да у тебя на «Нашу марку» денег не хватит, – сказал Краснов. – Да и табачок в «Нашей марке» турецкий, а он будет ароматней и помягче. А эта махра, до самой задницы продирает, как немецкий иприт. Настоящий конский гузно-

раздиратель!

– Да ладно, тебе гоношиться! Тоже мне знаток табачных изделий! Давай вставай, погоняем мячик! – ответил Синица, и толкнул в бок Валерку.

Краснов, не поднимаясь с бревна, разжевал кончик гильзы папиросы и, приклеив ее на ноготь указательного пальца, вслепую щелчком отправил окурочок в полет:

– На кого Бог, пошлет, – сказал он, и резко поднялся, придерживая рукой кепку.

Окурочок, наполненный слюной, после сильного щелчка взлетел в воздух. Описав дугу с каким-то странным чваканьем, шлепнулся на хромовый сапог Ферзя, который подошел за секунду до этого.

– Ты что, авиатор, рамсы попутал? Я тебе сейчас, как по дюнделю заеду! – заорал стародавний враг Фирсанов. Он был в гневе, и приготовившись к драке, даже закатил рукава своей форменной ФЗушной гимнастерки.

– Да хорош Ферзь, наезжать на него! Красный тебя не видел, – сказал Синица, заступаясь за друга. – Он же сказал, на кого Бог пошлет..... Вот на тебя Бог, и послал..... Какие претензии к Красному? Все претензии к Богу!

– Ты конопатый, форточку свою прикрой! Не с тобой базарят, фраер дешевый. Видел, не видел – мне по–хрен! Его бычок, вон, как прилип к моему сапогу ему и ответ держать.

Ферзь подошел поближе и поставил перед Валеркой сапог, на котором и впрямь торчал приклеившийся окурочок.

– А ну козел, вытирай! – сказал Ферзь, и грозно сжал кулаки. Желваки на его скулах заходили, и было видно, что через секунду Фирсанов бросится на Валерку, и вся эта перепалка перерастет в кровавое побоище.

Валерка понял, в чем был план Фирсанова. Ферзь хотел на глазах детворы его унизить. Как всего несколько дней назад он указал Ферзю его место.

Хромовые сапоги Фирсана чистотой не блистали, и даже этот окурок не мог испортить их потрепанного вида. Парни, с интересом глядя за происходящим, собрались полукольцом за спиной Ферзя, и над поляной воцарилась тишина.

– Я сказал тебе – вытирай! – вновь повторил Фирсанов, уже конкретно заводясь на драку.

Валерка поднял с глаз свою кепку и ехидно взглянул на Ферзя, снизу вверх. Какой-то миг он, словно пружина разжался, да так быстро, что Фирсан даже не успел сообразить. Кулак Валерки, со всей силы, врезался ему в пах в район мужского достоинства. Нестерпимая тупая боль пронзила все тело Ферзя от мошонки до самого мозга. Задышавшись, и выпучил от боли глаза, он схватился за гениталии и присел на корточки.

– Есть! – торжественно сказал Синица, выступая в качестве рефери. – Технический нокдаун!

Скрючившись в позе эмбриона, Ферзь мычал, и упав на землю, стал кататься. Было видно, что удар Краснова достиг своей цели. Ферзь был окончательно повержен. Он лежал на

траве и, испытывал такие страдания, которые надолго оставляют в памяти незаживающий след.

Этот самый момент в воздухе повисла пауза. Пацаны смотрели то на Краснова, то на Ферзя и понимали, что сейчас прямо на их глазах Краснов одним ударом уложил того кто наводил ужас на весь район. Валерка был героем! Не смотря на физическое превосходство хулигана и заводилу Ферзя, он легко с ним расправился. Краснов не дал унижить себя и поэтому Фирсанов получил по заслугам. Это был шок. В это самое мгновение в глазах слободских ребят, он повторно снискал себе еще больше авторитета и уважения.

– Да вставай уже, – сказал Краснов и подав руку Ферзю поднял его. –Надеюсь я не сильно тебя приголубил.....

– Я тебя суку, на лоскуты пошинкую, – сказал Ферзь, присев на бревно.

– А это Санек, как получится, – ответил Валерка, и достав из сумки мяч, запулил его в небо. – Держи «пузырь» ханурики! – заорал он. Мяч красиво взлетел и на какой-то миг завис над поляной в критической точке. Завороженные его полетом, пацаны, замерли в каком-то восхищении и непонимании. Красивый, кожаный мяч, словно птица, стремительно понесся вниз, и, упав на землю, вновь несколько раз подскочил.

– Ура, ура, ура! – заголосила ребятня и, поднимая пыль, бросились ловить подпрыгивающий по полю подарок от фюрера.

В минуты всеобщей радости, пацанам было все равно, что сейчас испытывал Ферзь. Он лежал на «трибуне». Доминирование на районе Саши Фирсанова окончательно рухнуло, рассыпавшись, словно картонный домик. Краснов очередной раз развеял миф, о его непобедимости, и это было уже фактом.

Власть Фирсана, над ребятами в мгновение ока растворилась, как растворяется сахар в горячей воде. Еще пять минут назад, он считал себя некоронованным «королем» всего района Ельнинского шоссе, а сейчас – сейчас, его место занял даже не Краснов, а простой кожаный мяч, который всех сплотил.

По случаю торжественного вброса нового «пузыря», состоялась первая и дружеская игра. В азарте и бушующих страстях, никто и не заметил, как поверженный и отвергнутый Фирсанов незаметно удалился. Никто даже о нем и не вспомнил. Футбол закружил ребят в своем вихре, словно торнадо, и никому уже не было дела до свергнутого «короля», который в одночасье потерял и трон и корону. Вот так, всего лишь одним ударом Валерка Краснов, избавил дворовых ребят от влияния местного жулика, грезившего единоличной властью над целым районом.

Глава седьмая

Плохая весть

Новость об аресте Саши Фирсанова, застала Валерку на летном поле смоленского аэроклуба. Как, только, он спустился по крылу учебного У-2, и спрыгнул на землю, в этот самый момент он увидел, как через летное поле навстречу ему, стремглав бежит Синицын. Видавшая виды, залатанная шотландка, словно флаг развевалась по ветру, обнажая напряженные мышцы упругого пресса.

Не добежав до Краснова нескольких метров он, задыхаясь, завопил еще издалека:

– Краснов, Фирсана, легавые повязали вместе с бандой Вани «Шерстяного»! Говорят, что они кассира с авиационного завода завалили, когда тот из банка на завод получку вез.....

Отстегнув замки парашюта, Валерка, собрался было бежать, но командирский и властный голос инструктора, лейтенанта Хмелева, остановил его в самый последний момент.

– Курсант Краснов – стоять! Ты куда змееныш, намылился – мать твою, ежики–лысые..... Что за посторонние на лет-

ном поле во время учебных полетов? – обратился он уже к Синице.

В ту секунду Синицын, стоял в позе «вратаря», упершись руками в колени, и глубоко дышал. Он настолько глубоко вдыхал воздух, что слюна белой пеной произвольно стекала по его подбородку, и у него не было сил ее даже вытереть.

– Он товарищ инструктор, сейчас оклемается, и уйдет, – сказал Валерка, вступившись за друга.

– Пока он оклемается, ему винтом башку в щепки разнесет, – ответил тот, закуривая. – Даю вам пять минут, и чтобы духу его не было! Пусть ждет на краю поля. Мы еще не закончили. По плану разбор полетов....

Синица постепенно пришел в себя. Он рукавом рубахи вытер слюну и сказал:

– Варелик, Фирсана легавые замели! Я почти всю дорогу бежал, чтобы сказать тебе..... У нас полный двор НКВДешников и народной уголовной милиции. Черные «воронки». Участковый с «наганом» к вам домой заходил, вместе с чекистами. Что-то они ищут – караул!!! Сплошной кипишь! Баба Фруза, закрылась в хате! Собаки лают, коты орут, как ошалелые!

В эту секунду в душе Краснова, что-то странно екнуло. Чувство Какой-то опасности, нахлынуло на него, и он ощутил сердцем, что дома произошло, что-то неладное.

Ноги сами по себе подогнулись, и он, расслабившись, плюхнулся на парашют, валявшийся тут же на земле.

– Что, что было дальше!? Давай рассказывай! – спросил Валерка, предчувствуя сердцем беду.

– Тетка Фруза, говорила, что легавые якобы тебя ищут, чтобы допросить..... Будто они и тебя в чем-то подозревают. – Сказал Сеница, придя в себя от марафонского бега.

– А я тут причем? – недоуменно спросил Краснов, делая удивленные глаза.

– А притом, что ты мог знать, когда получку повезут на завод..... Участковый дядя Жора знает, что вы с Ферзем..... Ну типа раньше, дружили. Это дядя Жора настропалил НКВД-шников, что якобы вы с детства были закадычными друзьями.

– Вот же сука! Это он мне простить не может нашу дуэль с Ферзем, где мы его в дураках оставили.

– Да нет же! Дядя Жора просто давно на вашу квартиру глаз положил, – ответил Сеница. – Недавно по – пьяни, он говорил, что твой отец эту квартиру получил незаконно. А еще.....

Сеница подошел к Краснову, и таинственно оглядевшись вокруг, прошептал:

– Участковый говорил, что твой батька немцам проданся..... А ты за футбольный мячик проданся Гитлеру, и теперь вы оба шпионите в его пользу..... У вас дома вымпел нашли легиона Кондор. Короче: ходит и распространяет слухи, что якобы ваша семейка, это настоящий шпионский рассадник. Ты меня, Валерка извини, но в такое время говорить о шпи-

онах, это моментом угодить – на «Американку». Вон батьку Левы, два дня назад чекисты замели и тоже уже на киче. Говорят, что тот тоже враг нашего народа. А какой он враг? Он всю жизнь на железной дороге сцепщиком отработал. Говорят, уголь воровал и продавал....

– Я теперь понимаю. Участковый уполномоченный специально хочет моего отца в Магадан отправить без права переписки, чтобы нашей квартирой завладеть. Все же этот Жора, настоящая блин тварь! А я думал он настоящий советский милиционер! А он контра недобитая, – сказал Краснов.

– Во-во, дошло наконец–то до тебя, как до жирафа, – сказал Сашка, постукивая Краснова пальцем по лбу.

– Хватит, свидание окончено! – послышался голос инструктора. – Курсант Краснов, ко мне, мать твою, ежики – лысые....

– Есть! – сказал Валерка, и вскочил с парашюта. Он лениво, без особого желания поднял его с травы и натянул лямки поверх комбинезона. Застегнув ремни, он отряхнул прилипшие к брюкам сухие травинки, и, подняв кожаный шлем с очками, со злостью водрузил себе на голову.

– Ладно Варелик, я тебя там на кромке подожду, – сказал Синица, и уныло побрел на край поля к ангару.

– Повторим! —приказал лейтенант–инструктор. – Взлет–посадка!

– Я готов, товарищ лейтенант, – ответил Краснов, слегка унылым голосом.

– Ты мне тут курсант, не хандри! За полем, или дома за тарелкой с борщом будешь хандрить. Сейчас, курсант, ты, учебно-боевая единица. Если хочешь поступить в военное авиационное училище, то постарайся окончить эти курсы с отличием. Как говорит товарищ Сталин: «Комсомолыцы – все на самолет»! Вот! Вперед, к самолету! Комсомолец, мать твою, ежики – лысые!

Валерка влез по фанерному крылу «этажерки» в кабину и устроился там, сев на парашют, который использовался в качестве сиденья. Инструктор расположился во второй кабине, где размещалось дублирующее управление самолетом.

– От винта! – прокричал Краснов, и двигатель У-2 стрекоча, стал раскручивать тяжелый деревянный винт. Мотор стал набирать обороты и когда его звук превратился в монотонное жужжание наподобие звука «мухи», Валерка еще добавил газу и отпустил тормоз. Хвост самолета поднялся, освободив крючок тормоза из зацепления с грунтом. «Этажерка» послушно покатила по мягкому полю, и уже через несколько секунд оторвалась от земли, и взмыла в небо, оставляя земные проблемы далеко в низу. В этот самый момент, когда колеса отрывались от поля, Валерка отключался от всех мирских проблем, и все его сознание переключалось на полет. Он, словно срастался с планером, становясь не только его мозгом, но и мускульной силой. Словно «Икар» всей своей сущностью и телом он врастал в самолет, пуская миллиарды нервных клеток, которые пронизав авиационную

перкаль, передавали всю информацию ему в голову. В такие секунды Краснов чувствовал, как пушистые шарики катались по его внутренностям от самого горла до пяток и наоборот. Кишки странно приподнимались к диафрагме, вызывая подобным перемещением приятный и блаженный зуд. Валерка потянул ручку штурвала, и У-2 плавно пошел в набор высоты. Ветер бил в защитный щиток, в очки, обжигая холодом открытые участки кожи.

В этот мгновение, он, словно улетал в своем сознании от суровой и трагической реальности. Только здесь он становился не летчиком, а вольной птицей, которая подчиняла своей воли не только воздушные потоки, но и весь этот пронизанный механикой перкалевый фюзеляж.

Земля уходила все дальше и дальше. Взглянув на уменьшающиеся дома, деревья, машины, людей Валерка все сильнее тянул на себя ручку штурвала, в набор высоты.

В эти мгновения, когда он оказывался один на один с небом, Валерка забывал все. Неприятности, оставались там, далеко на земле, а здесь он чувствовал себя недостижимым и торжественно чистым от шлака бытовой рутины. Чувство свободного полета, чувство независимости, спускались на него с небес какой-то восхитительной неземной благодатью.

«Этажерка», разогнанная силой мотора, падая, входила в вираж. То свечой зависала в воздухе, словно карабкалась на гору, но, не достигнув вершины, тут же срывалась в пропасть, завывая разрезанным плоскостями воздухом. В эти са-

мые минуты, когда кусок фанеры с мотором подчинялся его воле, его разуму, Краснову хотелось просто петь. Он мурлыкал под нос слова популярной песни из кинофильма, заставляя учебный У–2 выполнять фигуры и виражи учебного пилотажа. Город проплывал то справа, то слева. Знаменитые купола Успенского собора сменялись красным хребтом крепостной стены смоленского Кремля и ртутным блеском, бежавшего на юг великого батюшки Днепра.

Валерка был патриот, и до боли в сердце обожал город, в котором ему довелось родиться, и вырасти. Здесь он познал школьную науку, здесь познал любовь и страсть к небу. В такие минуты полета он забывался, и только крики инструктора, прорывающиеся сквозь треск мотора и вой винта, заставляли его возвращаться в мир реальности.

Лейтенант–инструктор, перепуганный смелостью пилотирования Краснова, словно сапожник ругался матом. После того, как самолет благополучно сел на посадочную полосу, он глубоко выдыхал воздух и, прощал все Валеркины вольности. Лейтенант хоть и был ненамного старше Краснова, но он чувствовал и видел в нем рождение нового летчика–аса, искренне завидуя, его умению сливаться воедино с самолетом.

– Курсант Краснов, за пилотирование учебного У–2, объявляю Вам, благодарность, и ставлю оценку отлично. Следующие занятия, согласно учебного плана. На сегодня вы, можете быть свободны, – сказал лейтенант, и пожал Валерке

руку. – А теперь, теперь паря я скажу тебе без всякого официоза. Знаешь Краснов, у меня было десятки групп и десятки курсантов. Они все летают. Я научил их этому промыслу. Взлететь и посадить машину сможет даже обезьяна, но не каждый человек, может, так как ты, чувствовать самолет. . . . Ты один из самых лучших курсантов во всем Смоленске. В тебе есть что-то такое, чего нет больше ни у кого. Мне кажется, ты срастаешься с машиной каждой клеткой. Береги себя, ты брат родился под счастливой звездой. Без всяких сомнений, я буду рекомендовать тебя к поступлению в летную школу имени Полины Осипенко, – сказал лейтенант.

– Ну что, спросил Синица, видя довольную улыбку Краснова.

– Есть! Михалыч, сказал, что будет рекомендовать меня в летную школу.

– Ты Краснов, настоящий ас, – восхищенно сказал Сашка. – Я пока тут на поле валялся и смотрел в небо, я чуть с ума не сошел. Как ловко у тебя получается так рулить.

– Не рулить, а пилотировать, – ответил Краснов, и щелкнул Синицу по козырьку.

Глава восьмая

Арест

– Боже! Еже еси на небеси.... Да святится имя твое! Да придет воля твоя! Сохрани раба божьего и моего милого и любимого Валерку! Не дай дурачку убиться, – молилась Ленка, вдали от посторонних глаз, наблюдая в отцовский бинокль за учебными полетами У—2, над северным аэродромом.

Краснов даже не догадывался, что каждый раз, отправляясь на учебу на аэродром авиазавода, белокурая девчонка, Лена Лунева, с замиранием сердца отслеживает все его виражи. Каждый раз, поднявшись на крепостную стену, она за несколько километров, словно невидимыми нитями связывалась, с душой Краснова, и как ни странно чувствовала все то, что происходит в те минуты.

В минуты первых полетов, ей было за него жутко страшно. Девичий мозг отказывался воспринимать законы физики, и она не могла поверить в то, что так просто, распластав крылья, можно опереться на воздух и парить – парить подобно птице. От этих мыслей ее охватывало оцепенение. Мозг ри-

совал жуткие картины и она, как наяву видела, как ее мальчишка, падает и разбивается. Только в его лице Ленка видела того единственного, и того желанного мужчину, с которым мечтала прожить всю жизнь под одной крышей. В своих девичьих мечтаниях, навеянных романтическим образами, она представляла его отцом своих детей, и только с ним мечтала умереть в один день, как когда-то умерли святые Петр и Февронья, так и не познав горечь разлуки.

Сегодня для всех был день особый. Каким-то седьмым чувством Ленка почувствовала, что грядут какие-то ужасные перемены, которые заставят взглянуть ее на весь этот мир совсем под другим ракурсом и другими глазами.

Офицерская слобода гудела, словно разоренный улей. Старухи на лавочках, мужики за кружкой пива, и даже пацаны на поляне, обсуждали арест Саши Фирсанова. Все строили свои догадки, и всевозможные версии. Старушки, из «надзорного комитета», сидящие на лавочках у подъездов, давно пророчили Фирсанову карьеру уголовного арестанта.

– «По тебе Сашка, давно тюрьма плачет»!

Фирсан, делал ужасную гримасу, и каждый раз передразнивая сквалыжных старух, отвечал им резко, и по существу:

– Не построили еще ту тюрьму, которая по мне zalьется горькими слезами!

Как Фирсанов не старался обойти закон, как не играл с судьбой в орлянку, а время отвечать за свои поступки неудержимо двигалось к развязки и трагическому финалу.

Пророчество тетки Фрузы, неожиданно сбылось, и в один из прекрасных летних дней наручники, захлопнулись на его руках. Два мильтона завернув ему руки за спину, вывели Фирсана из дома, в стоящий рядом «воронок». Бабки, сидящие на лавке, от умиления, даже захлопали в ладоши, приветствуя местного хулигана, словно артиста смоленской филармонии. Тот зло косился на старух, и, как змея сквозь зубы шипел:

– Я баба Фруза, еще вернусь! И тогда на моей улице обернется машина с тульскими пряниками! А вам, старые клюшки, за мои страдания и за ваше злорадство, воздастся сполна, – говорил он, зыряка исподлобья глазами.

– Давай – давай! Вали на свою «Американку»! Пряник ты тульский! – отвечала тетка Фруза, держа руки на своей широкой талии.

Корпус смоленской тюрьмы под названием «Американка», был построен еще в 1933 году по американскому проекту. Два здания из красного каленого кирпича в три этажа, высились за высоким пятиметровым забором. и коваными, железными решетками на следственных камерах она наводила ужас на простого обывателя, который порой останавливался, и даже видел лица выглядывающих из-за решетки арестантов. В ту пору о смоленской тюрьме, слагались настоящие легенды. Ходил слух, что якобы в ее глубоких и сырых подвалах, ежедневно приводятся расстрельные приговоры «тройки», а по ночам якобы НКВДешники, в крытых по-

луторках, вывозит в Красный бор и под Катынь, трупы расстрелянных. Там в охранной зоне отдыха санатория НКВД, многие убитые в те годы нашли свое последнее пристанище.

За арестом Ферзя, тут же последовал арест отца Краснова. Странное совпадение абсолютно разных событий, людской молвой было мгновенно перекручено и объединено в одно целое.

По слободе, поползли слухи, что отец Краснова, майор РККА, как-то связан со смоленскими бандитами и, что это якобы он убил из своего нагана заводского кассира, чтобы завладеть деньгами рабочих.

Ленка, вернувшись, домой, была в прямом смысле слова, ошарашена событиями, произошедшими в Офицерской слободе, которые произошли, пока она любовалась полетами. Стоя около парадной, в толпе местных зевак, с ужасом и негодованием она наблюдала за происходящими событиями. Ленка подошла к дому Краснова в тот момент, когда двое чекистов в гражданской одежде, вывели из дома ее будущего свекра. Лунева остановилась и прикрыв рот ладонью заплакала. Она поняла сразу, что отец Валерки стал жертвой каких-то политических интриг. Участковый дядя Жора стоял невдалеке, и что-то писал чернильной ручкой на листе бумаги, подсунув под листок кожаную планшечку.

Под конвоем двух чекистов Леонид Петрович, гордо вышел из парадной. В руках он держал небольшой кожаный портфель. Молча, он осмотрел собравшихся соседей, как бы

выискивая, знакомые лица, и увидел среди зевак свою будущую невестку. Она промелькнула перед его глазами, как искра последней надежды. Все, что накипело в тот миг в его душе, он тут же адресовал ей.

– Лена! Леночка, дочка, передай Валерке, что я ни в чем не виноват. Это какое-то недоразумение.... Я думаю, суд разберется, и уже скоро я вернусь домой. Если сможешь, помоги ему справиться с этим....

В этот момент, стоявший рядом с машиной мужчина, в костюме при галстукe, ударил Леонида Петровича кулаком в лицо. Отец Валерки лишь пошатнулся, но не упал. Сплюнув сгусток крови из рассеченной губы, он вытер лицо рукавом военного френча, и, прищурив глаза, сказал:

– А зря ты мужик, так, на людях! Тут же дети....

– Закройте рот арестованный, – грубо ответил чекист. – Это не ваше дело – контра, – ответил мужчина и, открыв двери в машину, толкнул в спину Краснова.

– Так, что за сборище? Расходимся по домам – чего собрались? Что не видели врага народа, – крикнул человек в штацком.

Чтобы подчеркнуть свою власть, он громко с Какой-то ненавистью хлопнул дверкой, и легковушка, заурчав мотором, выплонула из выхлопной трубы небольшое облачко сизого дыма.

Еще несколько минут после отъезда чекистов, народ молча стоял и глядел в след, навсегда исчезающему команди-

ру ВВС РККА майору Краснову. Непонимание, шок и жуткий нечеловеческий страх, печатью отразился на лицах его соседей. Возможно, в ту самую секунду, каждый на своей «шкуре» ощутил какую-то непонятную ущербность и незащищенность перед этим страшным молохом воскресших репрессий.

Как только машина скрылась за углом дома, Лунева, рванулась в квартиру Красновых. Леночка тихо вошла в открытую дверь. Осмотрела квартиру. Будущая свекровь сидела на кухне, подперев голову руками. Ее красные от слез глаза, смотрели на бронзовый кран кухонного крана, из которого капля за каплей падала вода в стоящую в мойке алюминиевую миску. В ее руке дымился зажатый между пальцами окуроченный папиросы. По отрешенному взгляду, по растрепанным волосам и тлеющему окурку, было件нятно, что она находится в каком-то непонятном шоке, из которого она не может выйти.

Все вещи в доме были разбросаны. Шкафы раскрыты, а книги, ранее стоявшие на полках, кучей валялись по всему полу.

Лена бережно приподняла томик стихов Пушкина, и прижав к своей груди, вспомнила те минуты когда Валерка наизусть читал ей «Евгения Онегина».

Лена тихо поздоровалась, но к своему удивлению заметила, что ее будущая свекровь, даже не пошевелилась. Комок горечи подступил к горлу Луневой при виде подобной картины. Мать Краснова ничего не ответила. Она, отключившись

от всего мира, продолжала сидеть, ни на кого не обращая никакого внимания. Ее тело странным образом раскачивалось на табурете подобно метроному.

Лунева увидев ступор, в котором пребывает ее будущая свекровь, схватила миску с водой и плеснула ей в лицо. Краснова, словно очнулась. Она, сделав глубокий вздох, сопряженный с внутренним, грудным хрипом, тут же заплакала.

Нет, она не плакала! Она просто выла – выла, словно собака над телом умершего хозяина. Ее зубы отбивали чечетку, словно бил ее сильнейший озноб. Сквозь этот жуткий стук зубов, из ее груди вырывался истошный вой, который можно было сравнить с волчьим. Слезы сплошным потоком катились по щекам.

– Светлана Владимировна, что случилось, – спросила Лунева, подав ей полотенце. Краснова перестала выть, она взглянула на Ленку глазами человека прибывающего в горе и тихо сказала:

– Леню арестовали....

Ленка теряя равновесие, как-то умудрилась, ногой подвинуть табуретку, и присела на неё, переводя дух. Ей очень хотелось обнять Светлану Владимировну, и как-то утешить, но у Ленки кружилась голова, и она на какой-то миг впала в ступор. В ту секунду Краснова почувствовала, что рядом присела невестка, облегченно вздохнула и обняла девушку за плечи. Лунева прижалась к ней, словно к матери. А уже через секунду слезы покатались по девичьим щекам. Только сей-

час Лунева поняла, что в ее семье произошла страшная трагедия. Возможно, что Валеркин отец больше никогда не вернется в этот дом и только эта мысль вызывала внутреннюю панику. Она не хотела думать об этом, и старалась гнать эту мысль прочь, как только она зарождалась в ее голове.

Краснов младший еще не знал, что отца арестовали. Он ехал на задней площадке трамвая от авиационного завода, и, глядя в окно, проигрывал в своей голове прошедший полет. Сегодня он впервые летал без инструктора, и он даже не мог предположить, что это настолько приятное чувство, когда за спиной нет «ворчащего дядьки», который только мешает делать то, что хочет душа.

Когда Краснов появился во дворе, все находящиеся в тот момент на улице как-то смолкли, и уставились на Валерку, словно, он был испачкан с головы до ног белилами. Соседи по дому и дворовые пацаны, молча, смотрели ему вслед. Лишь странный, предательский шепот нарастал за его спиной и он внутренним чутьем почувствовал, что произошло, что-то непоправимое. Создавалось такое ощущение, что народ принимает его за больного заразной болезнью, сторонясь, словно прокаженного.

– Слышь Синица, а чего это они, – спросил он своего друга.

Тот крутил своей головой и ничего не понимал, что происходит вообще.

– Да хрен их знает, – отвечал тот, удивляясь происходя-

щему. – Может, помер кто? Я страсть, как боюсь покойников....

– Да ну ты! Тоже скажешь, – сказал Краснов. – Дурень Ты Сашка, бояться нужно живых, а покойники – покойники брат, самые смирные. Они лежат себе в гробу и им ничего от тебя не надо.

– Нет, все равно боюсь! Я читал, что на Земле есть какая-то Дракула, которая тоже была покойником. А потом вдруг она ожила и давай из людей пить живую кровушку. Своя-то уже была холодная, а ему горяченькой хотелось!

– Дракула Саня, мужик! Он графом был румынским.... Он то и пил кровь людскую....

В какой-то миг Краснов остановился. Он увидел, как тет-ка Фруза, при виде его, отвернула взгляд. Что-то острое кольнуло в его сердце и Валерка, словно пуля влетел на второй этаж. Дверь в квартиру была открыта настежь. Краснов – младший, осторожно переступил порог. На кухне сидела заплаканная мать и зареванная Леночка Лунева.

– Что случилось, мам? – спросил он, пройдя на кухню.

При виде сына из глаз матери вновь хлынули потоки слез. Следом за свекровью заскулила и Ленка.

– Да что же тут произошло, скажет мне кто или нет!? – вновь спросил Краснов, уже выходя из себя и срываясь на крик.

– Отца! Отца арестовали! Батьку твоего арестовали, – сказала мать, вытирая слезы краем фартука, -его чекисты забра-

ли.

Тут до Валерки дошло то, что говорил ему Синица. В этот момент к его горлу подкатил какой-то колющий и отвратительный ком. Он, словно плотина перекрыл глотку и стал душить Краснова, подобно пеньковой петле. После недолгой борьбы с недугом он вдохнул полной грудью и с хрипом в голосе еле вымолвил:

– Когда!?

– Два часа назад, когда ты в клубе на полетах был.

– А Фирсанов!? – спросил Краснов.

– А что Фирсанов?

– Ну, ведь Синица, сказал, что арестовали Фирсанова.

– Ферзь, бандит! Он никакого отношения к отцу не имеет, – сказала мать, привстав из-за стола.

– Ничего не понимаю.... Синица говорил, что арестовали Фирсанова. Причем тут отец!?

– Фирсанова арестовала милиция из отдела по борьбе с бандитизмом, а за отцом приезжали чекисты.

Тут до Валерки дошло, что его отец стал жертвой какого-то злого навета. Не зря Синица говорил, что дядя Жора, местный участковый, как-то по пьянке, выказывал свое недовольство. Якобы, родина и сам товарищ Сталин обделили его, и что он, как милиционер и бывший красноармеец-буденовец, достоин лучшей доли в социалистической стране, за которую он в гражданскую, проливал свою кровь. А этот выскочка, военпред Краснов, занимает трехкомнат-

ные апартаменты да еще на работу на казенной машине ездит. С немцами шашни какие-то заводит, видно им частями продает Родину.

Белая пелена в тот миг накрыла сознание Валерки. Схватившись за дверной косяк, он присел в дверном проеме на корточки. Что-то непонятное и неопределенное крутилось в те секунды в его мозге. Картины ареста отца поплыли перед глазами, словно миражи в жаркой пустыне. Не удержавшись на ногах, Валерка упал. В тот миг он вообще не контролировал своих действий. Всем нутром, всей своей душой он ощутил ту боль, которая теперь гложет его сердце в минуты скорби по родному человеку. Словно через толщу воды до его слуха докатился истошный вопль матери. Уже ничего не осознавая, Валерка упал навзничь и «покатился» в черную пропасть, инстинктивно хватая воздух широко открытым ртом.

Увидев состояние сына, мать и Ленка бросились к нему, желая помочь. Но тело Краснова— младшего обмякло, распластавшись на полу.

Очнулся Валерка от странного холода, лежавшего на его лбу.

«Тряпка мокрая», – подумал он, сквозь пелену накрывающую его сознание.

Полотенце, пропитанное водой, неприятной холодной влагой касалось лица, подбородка и шеи и это холодное и мерзкое неудобство, привело его в чувство.

Он, скинув полотенце, приподнялся. Мать, сидевшая рядом, схватила его за плечи и уложила вновь на подушку.

– Лежи сынок! Не стоит подниматься. Тебе нужно спать.

– Что со мной? – спросил Валерка, касаясь рукой материнской щеки, по которой текла крупная слеза.

– Ты просто был в обмороке, – ответила мать и, перехватив руку сына, нежно ее поцеловала. Она прижала ладонь к своей щеке и с глазами полными слез, посмотрела на него. – Отца арестовали по подозрению в шпионаже.

Тут Краснов вспомнил – вспомнил версию Сеницы, что вся это кутерьма замешана на неудовольствии местного участкового дяди Жоры. В эту секунду, в его душе, словно что-то взорвалось.

– Я убью эту сволочь! Контра белогвардейская! Я знаю, кто написал на него донос. Подонки! – стал выкрикивать Валерка и, вскочив с дивана, бросил мокрое полотенце на спинку стула. – Я знал, знал, что он настоящая тварь! Прикрывается сука, удостоверением сотрудника народной милиции, а сам хуже того же вора «Шерстяного»! Но тот – то хоть вор в законе, а этот? Это настоящий гад, оборотень! Днем служит Родине, а по ночам приворовывает из товарных пакгаузов на товарной.

– Тихо, тихо не кричи, соседи услышат и донесут участковому. Будет он, потом и на тебя доносы строчить. А я, я же не могу потерять двух мужиков, – сказала мать, держа сына за руку.

Краснов – младший был в гневе. Он ходил по комнате взад и вперед и на ходу хватал какие-то вещи. Подержав, он тут же с остервенением бросал на место и вновь продолжал свои непонятные телодвижения.

Все эти трагические для семьи Красновых минуты Леночка сидела молча. Она с сочувствием и жутким страхом наблюдала за кавалером и нервно руками теребила носовой платок. Ей показалось, что Краснов как-то изменился и даже повзрослел. Из веселого и беззаботного семнадцатилетнего юнца, он в этот миг превратился в настоящего мужика наделенного силой волей и непоколебимостью духа. Его лицо стало суровым, а глаза как-то сузились, словно у хищника в момент охоты. Все в его поведении говорило, что теперь он как мужчина является для матери опорой и надеждой.

Впервые в жизни Валерка, в присутствии матери, достал из кармана пачку папирос, дунул в гильзу, и с силой сдавив ее и зубами, закурил. Раньше побаиваясь отца он никогда этого не делал, но сегодня был тот день когда он окончательно превратился из юноши в настоящего мужчину.

Сидевшая на диване мать, увидев сына курящим, даже не удивилась и ничего не сказала. Смолчав, она в ту самую секунду поняла, что ее сын Валерочка, как она его называла уже не тот мальчик, которого она нежно целовала в родильном доме и кормила своей грудью. Он вырос, и теперь он вполне может сам решать, что ему делать.

– Давно куришь? – спросила она.

– Скоро уже год, – ответил Валерка.

– А если узнает.... – хотела вдруг сказать мать, но осеклась на последнем слове, вспоминая кошмар сегодняшнего утра.

– Я, наверное, пойду домой? – спросила Леночка.

– Сиди! – властно сказал Краснов–младший, и, тронув ее за плечо, усадил на место. – Пойми Леночка, ты сейчас нужна мне и матери. Ты, словно бальзам на наши растерзанные души и сердца.

Лунева махнула головой в знак согласия и смиренным голосом, сказала.

– Хорошо, я побуду у вас еще немного.

– Так девушки.... Слезами горю не поможешь! Кушать надо. Давай мать, накрывай стол, будем питаться и думать, как нам дальше существовать. На сытый желудок оно ведь лучше всего думается, – сказал Валерка, словами отца, показывая, таким образом, что теперь ему предстоит стать во главе семьи Красновых.

В эту самую минуту мать окончательно убедилась, что сын стал главой семьи и теперь только он в состоянии принимать твердые мужские решения. Приподнявшись с дивана, мать глубоко вздохнула, и, поправив фартук, впервые за целый день улыбнулась молодым. Подойдя к ним, она поцеловала Валерку и Луневу, и сказала:

– А в ребята, уже взрослые....

Глава девятая

Смоленский централ

Следственная камера восемьдесят три –смоленской тюрьмы, а в народе (централа) утопала в табачном дыму. Он, словно туман, висел в пространстве замкнутой комнаты и, перемешиваясь с запахом мочи, исходившей от тюремной «параши» выедал глаза.

В такой духоте этой зловещей и жуткой атмосферы кипела совсем другая жизнь в отличие от жизни на воле. Подследственные арестанты из-за жары, сидели на верхней наре по пояс голые и азартно резались в самодельные карты, которые они почти каждый день клеили из тетрадных листов при помощи прожеванного хлебного мякиша.

Тусклая, почерневшая от ваты лампочка «Ильича», вмонтированная за решетку в противоположную стену, лишь обозначала присутствие в камере круглосуточного света. Глазок в камеру, он же «волчок» или по-арестантски «сучка», раз от разу открывался, и в нем появлялось недремлющее око местного вертухая, который блюл порядок и соблюдение советских законов в камере.

– Че «вертушок», зеньки пядишь!? Давай заваливай к нам, в «буру» скинемся на твои «прохаря». Мне они как раз будет по фасону. Я в них на танцы буду ходить! – крикнул Фирсан, заглянувшему в камеру охраннику.

– На Магадан этапом пойдешь, а не на танцы, – сказал охранник. Арестанты заливались смехом, подковыривая надзирателя острыми и колкими шуточками.

После недолгой паузы за деревянной дверью, обитой железом, послышался щелчок. Окно «кормушки» (дверка для передачи продуктов), открылось, и в камеру заглянуло полное и красное лицо местного надзирателя, которого местные обитатели называли «вертухаем».

– Ферзь, из вас кто будет? – обратился он ко всем сидельцам.

– Ну, я Ферзь, – сказал ехидно Сашка, перекатывая окурок «Беломора». – Только у меня погоняло Ферзь!

– Такой как ты Ферзь, может у меня в карцер сесть, – улыбаясь, ответил охранник, и, обнажив свои желтые лошадиные зубы, засмеялся.

– Ты «красноперый» за базаром следи! Как бы тебя самого на «штырину» не натянули, – огрызнулся Фирсанов, улыбаясь. – Отгоню на волю «маявчу», и пришьют тебя в подворотне, как барашка. Чик и ты мертвый будешь....

– Поди ближе, Ферзь.... Базар у меня к тебе – от жигана «Шерстяного». Ты вроде у него в подельниках идешь?

Ферзь вальяжно подвалил к «кормушке».

– Чего надо? – спросил он, не очень громко и выпустил остатки дыма в лицо.

– Слушай меня, босота хренова, – ответил ««вертухай»» приглушенным голосом. – На первом этаже, как раз под вами в расстрельной камере сидит твой подельник – «Шерстяной». Он притаранил тебе «маляву». Просил, чтобы ты подсуетился насчет «бациллы» и курехи. Голодно ему на строгаче. Уважь мужика, он же под «вышак» катит. Он сказал, что бы ты молчал, как рыба – он на себя все берет. Ему один хрен вышка светит за то, что он кассира замочил....

– Ладно легавый! Базара нет! Для блатного кореша мне ничего не жалко, – сказал Сашка, и незаметно взяв от охранника маляву в рот, следом за ней сунул новую папиросу.

Кормушка закрылась, и Ферзь вновь ловко влез на железную нару, чтобы продолжить игру.

– Что мусору надо было? – спросил один из старожилов этого заведения.

Ферзь не говоря ни слова, со всей силы ударил его пяткой в глаз. Это произошло так быстро, что тот слетел со второго яруса на бетонный пол. Сашка спрыгнул на него с нары, нанося руками удары по голове.

– Что ты сука, мне вопросы какие-то кумовские задаешь!? Может ты стукач? Может ты какой подсадной?

– Да ты что, Ферзь? Я же так, для интереса! – стал оправдываться арестант, стараясь защитить лицо от ударов.

– Для интереса–для интереса только кошки трахаются, а

потом у них появляются котятка, — гневно орал Ферзь. — Мой папашка еще в детстве таким как ты, на этой киче заточкой кадыки вскрывал.

Подобные разборки между уголовниками были в те времена не редкостью. Почти каждый день в тюрьме кто-то умирал от побоев или был прирезан ночью остро заточенной ложкой, которую урки затачивали на острых кромках железных нар, шлифуя на кирпичной кладке. Блатные, как правило, в целях своего лагерного благополучия шли не только по всяким там мужикам, тянущим срок за колосок, или килограмм картошки с колхозного поля, но и по трупам. Охране тюрьмы было наплевать, сколько преступников за ночь загнулось. Меньше народу — спокойней была вертухайская жизнь.

Ферзь отпустил арестанта и встав с пола громко сказал.

— Эй, басота! Под нами, в камере смертников жиган Ваня «Шерстяной» чалится. Ему по указу тройки вышак навинтили. Голодно бродяге, ни кто «дачку» не носит. Кишка гнетет, а по хозяйской пайке и подышать в облом. Кто сколько может соберите каторжанину «грев»: Пусть «Шерстяной», перед «зеленкой» хоть сытной хаванины хапнет. С набитой кишкой, оно и подышать веселее!!!

После слов сказанных Ферзем, мужики молча полезли в свои баулы. Кто достал горсть ржанных сухарей, кто сала, кто самосада рубленого вручную. Весь нехитрый мужицкий скарб перекочевывал на «шконку» молодого жигана, где тот

умело закручивал «грев» в листы старых газет, которых было в камере вволю. После чего, разогрев в кружке парафиновую свечу, он обильно смочил связанные колбаски каторжанского «грева» расплавленным парафином.

– Санек, «коня» тащить, или будем ногами перебрасывать? – спросил один из арестантов по кличке Сивый.

– Давай Сивый, «коня» – так будет надежней! Давай ханыга, качай «парашу», – сказал он сидящему на первой наре неряшливого вида зашуганному крестьянину.

– А что мне делать, – спросил тот, трясясь от страха

– Будешь дед, толчок откачивать.

– Я не умею, – сказал тот, стараясь прикинуться дурачком.

– Я научу, – ответил Фирсан, и схватив с его головы шапку, кинул ее в парашу, куда отправлялись естественные надобности. – А теперь дед, давай гони шапкой, воду из сифона....

– А шапка?

– Хозяин тебе новую даст, – сказал Ферзь, и вся хата заржала.

Хилый дедок с козлиной бородкой подошел к «параше». Фирсанов три раза ударил кружкой по чугунному стояку, подавая сигнал на связь. Дождавшись ответа, дед взял шапку – ушанку в руку и, словно поршнем, резко выдавил воду из очка. Фирсанов встал на колени и проорал в освобожденное от воды жерло парашаи.

– Эй, «Шерстяной», гони коня на три метра!

Из чугунного стояка гулко, словно из преисподней, слышалось:

– Понял.... Готов!

– Давай Сивый, «коня»....

Сивый, откуда-то из-под нары, вытянул плетеную из шерстяных носков и свитеров самодельную веревку. К концу веревки были привязаны щепки, наструганные из продуктового ящика. Щепки располагались таким образом, что расстояние между ними было примерно не более шести сантиметров.

Дед ханыга аккуратно просунул в очко параша веревку, скрутив ее кольцами по периметру трубы. После чего, взяв ведро с запасом воды, резко вылил ее в трубу. Вережка, уносимая ее потоком, полетела на нижний этаж по чугунному стояку. От завихрения, создаваемого водяным потоком, щепки начали вращаться, наматывая веревки с третьего и первого этажа. В Какой-то миг веревки перекрутившись, намертво сцепились.

– Есть! – заорал Фирсан, натянув «коня», словно леску с попавшей на нее рыбой.

Зацепив на веревку «грев», он подал сигнал, и «Шерстяной», через чугунный стояк тюремной канализации, потянул его в свою камеру. Таким образом, запрещенная в камере смертников арестантская утварь как сало, табак, сухари, спички надежно перекочевала с третьего на первый этаж. Следом за отправленным «гревом», обратно от Ивана вер-

нулась и предсмертная «малява».

Фирсан снял с «коня» «маляву» и, подойдя ближе к окну, прочитал:

«Воровской прогон»

Мир дому нашему и всему люду достойному в нем живущему!

Во благо хода воровского я, ниже обозначенный и коронованный вор «Шерстяной» – Смоленский, ставлю вас в курс, что сидящий в хате восемь три третьего корпуса «Американка», бродяга и мой подел Санек Фирсанов погоняло «Ферзь», объявляется жиганом с правом решать «людское» по всему централу.

В последний час, хочу проститься с вами братья каторжане и пожелать всем форта в деле нашем.

Каторжане, суки, легавые спят и видят, как мы будем шинковать заточками козлов и петухов на зонах. Я призываю вас всех, уважать воровской ход и не давать врагам нашим мусорам творить беспредел и ломать кровью писанные воровские законы. Прогон довести до всех арестантов смоленского централа.

«Шерстяной» – Смоленский

– Я, че-то, не понял!? – взвился один из каторжан по кличке Синий. – Ты фраер, дешевый, на зону ни одной ходки не имеешь, а в цветные лезешь! Ты урка, сперва балан-

ды лагерной хлебни вдоволь, а потом положенцем себя правильным мни....

Эти слова, сказанные каким-то «бакланом», больно тронули душу Фирсанова, и он, не удержавшись от обидных слов, в долю секунды выхватил «заточку», и воткнул ее в глотку Синему.

Синий захрипел. Кровь пузырями мгновенно заклокотала из раны. Он схватился за горло, желая заткнуть дырку ладонью, но его ноги подкосились, и он опустился на бетонный пол камеры. Синий, сидел полу, опершись спиной на шконку, а кровь, черная и густая, обильно текла из пробитого горла, прямо на купола собора наколотого на его груди. Через минуту он стал задыхаться и хрипеть. Его глаза выкатились глаза из орбит. Воздух вместе со стоном выходил из пробитого в горле отверстия. Слова, сказанные им, превращались в забавный свист и странное бульканье.

Кличку Синий, получил за цвет кожи. На его теле, наверное, не осталось ни одного свободного места, которое не было бы покрыто татуировками. Купола храмов, ангелы и прочая церковная лабуда перемешивались с русалками и змеями, которые и телами обвивали кинжалы. Довольно примитивные рисунки покрывали всего Синего. Этот винегрет, даже у «первоходов» вызывал лишь смех.

Фирсан, подошел к двери камеры и ногой постучал. На его стук не спеша подошел дежурный «вертухай» и, открыв, спросил:

– Чяго тебе, урка, надобно?

– Веди мусор «лепилу», у нас крендель вскрылся! Прока-
тал сука,

«фуфлыжник» в карты, и решил с хаты на больничку сва-
лить....

– Он не зажмурился?

– Нет пока, но уже скоро, наверное, кони нарежет, – сказал
Фирсанов, без всякого чувства сострадания к сокамернику.

За дверью послышался трубный и гулкий голос надзира-
теля.

– Васька, давай санитару в восемь три, шпилевой вскрыл-
ся....

Через несколько минут, громыхая замками, дверь камеры
открылась. Два «шныря» с носилками из тюремной obsługi,
вошли в «хату» и замерли в ожидании вердикта санитару.

– Чего стоим, грузим и на больничку, – сказал тот, пере-
вязав глотку Синему, который уже от потери крови был бле-
ден, словно простынь первой категории.

Шныри, хлюпая по луже крови «гадами» по полу, кинули
тело арестанта на носилки и уже хотели вынести его вперед
ногами, как «вертухай» стоящий возле двери, проорал:

– Вы шо, петухи, он же еще живой! Давай разворачивай
оглобли!

Шныри послушно развернули носилки и вынесли аресто-
ванного на «продол» головой вперед.

– Фирсанов, что мне корпусному сказать? – спросил «вер-

тухай», закрывая двери.

– Вскрылся фраер, – ответил Фирсанов, и незаметно су-нул охраннику в руку десять рублей.

– Заметано! – ответил охранник, и закрыл тяжелые кованые двери.

– Ну что, босота! Все в курсах, что по «киче» прогон нужно раскидать? – спросил сокамерников Фирсанов, предчувствуя, что с этой минуты он уже наделен воровской властью.

Уже через несколько минут прогон, написанный Ваней «Шерстяным», копировался арестантами. Дед, по кличке Херувим, плевал на химический карандаш и старательно желтым от табака пальцем выводил на клочках бумаги то, что написал вор. Как только работа была сделана, несколько «воровских прогонов» двинулись по тюрьме различными путями. Некоторые с помощью хлебного мякиша крепились к днищу алюминиевых мисок, выдаваемых «баландерами» в обед, другие, с помощью «коней», перебрасывались в соседние камеры через решетки.

Со стороны можно было наблюдать, как десятки нитей опутали наружную сторону тюрьмы и по этим нитям, словно по «дорогам», двигались из одной камеры в другую «малывы прогона». Вертухаи бегали вокруг корпуса с длинным шестом, вооруженным металлическим крючком, и обрывали «дороги» наведенные арестантами. Но взамен оборванных, вновь и вновь появлялись новые, и вся эта круговерть продолжалась бесконечно, сводя усилия охраны тюрьмы на нет.

К вечеру того же дня, когда «воровской прогон» уже достиг почти всех камер тюрьмы, двери открылась. В дверном проеме появились два надзирателя, которые пристально в полумраке осматривали заключенных.

– Что зеньки лупишь, мусор? – послышался голос Сивого. – Говори, че надо!

– Фирсанов! – обратился охранник. – На выход!

– С хотулями?

– Нет! Пока без хотулей! Кум зовет! – сказал трубным голосом «вертухай». – Базарить по душам будет....

Фирсанов слез с нары и, накидывая на ходу рубашку, вышел из камеры, заложив руки за спину

– Лицом к стене! – скомандовал один из охранников.

Фирсанов послушно повернулся лицом к стене, продолжая держать руки за спиной. Один из охранников ощупал его одежду сверху вниз, а другой тем временем закрыл камеру и ткнул большим ключом его в бок.

– Вперед! – скомандовал властный голос охранника, и Саша Фирсанов под конвоем вступил на чугунную лестницу, которая вела на первый этаж.

Корпус «Американки» напоминал большой квадратный стакан из красного кирпича. Огромные стеклянные окна с первого по третий этаж находились напротив друг друга. По периметру трех этажей выступал металлические балконы с перилами. По центру тюрьмы с первого этажа на третий шла широкая чугунная лестница. На каждом этаже находилось

порядка 30 камер, в каждой из которых шла своя уголовная жизнь.

Кабинет «кума», как называли «урки», начальника оперативной службы тюрьмы, располагался на первом этаже возле кабинета корпусного. Идущий впереди охранник, открыл двери и доложил по уставу:

– Товарищ майор, заключенный Фирсанов, по вашему приказанию доставлен!

– Давай сержант, заводи нового «положенца», – сказал майор. – Хочу глянуть на сынка «Гнусавого».... Весь бя... цвет блатного мира, мать его....

– Вперед! – скомандовал ««вертухай»», толкнув Фиксу в спину связкой ключей.

– Ну что, Фирсанов Саша – Ферзь, проходи, присаживайся, – сказал майор, и указал на стул, прикрученный к полу шурупами.

Фирсанов, сев на стул, закинул ногу на ногу. Его растоптанные ботинки без шнурков вывалили свои языки, обнажив голые, без носков ноги. На правой ноге, на косточке красовалась татуировка паука, что говорило о его принадлежности к воровской, то бишь, блатной масти....

– Что, начальник, надо!? – нагло спросил Фирсанов, почесывая подмышками.

– Я слышал, ты сегодня в «паханы» произведен!? – спросил кум, присаживаясь за стол напротив Фирсанова.

– А че, вам в падлу мое положение? Решил, начальник,

с первого дня меня под пресс? Да я плевать хотел на твой пресс! Я сам выбрал свою каторжанскую долю, вот и буду тянуть срок, как полагается, – сказал Фирсан, почесывая под мышкой укусы клопов и бельевых вшей, кишачих в одежде арестантов.

Майор улыбнулся и, открыв стол, достал пачку папирос, кинув их перед арестованным.

– Закуривай!

Фирсанов взял пачку и, вытащив папиросу, дунул в гильзу со свистом, затем сжал ее зубами и прикурил. Несколько раз он языком перевел папиросу из одного уголка рта в другой, стараясь показать гонор.

Майор НКВДешник улыбнулся, и выдержав паузу сказал:

– Ты себя в зеркало видел? Что ты босяк куражишься передо мной, словно вошь лобковая на гребешке? Я тебе что, дешевый фраер!? – спросил майор, видя как Фирсанов, перед ним изгаляется.

– А че!?

– А не че! Хер тебе через плечо! Ты сопляк, когда еще мамкину юбку держал своей ручкой, я уже банду братьев Левашовых громил.... Да и батя твой – «Гнусавый» был здесь на «киче» в авторитете.... Базарить с настоящими ворами намного приятней, чем с дворовой шпаной.... Если бы твой подельник, не был «Шерстяной», то сидел бы ты сейчас в семь шесть, и кукарекал бы на параше, как живой будильник.... А так гонор из тебя воровской попер! А ведь ты Фир-

сан, не вор, ты скорее будешь «бакланом» в лучшем случае....

– Обоснуй начальник! А то я сейчас....

– Ты сейчас можешь угодить только на карцер. Посидишь на «киче», на воде и хлебе, вот тогда и поймешь, что с кумом дружить нужно, а не лаяться. Я чуял, что тебя «Шерстяной» сделал паханом?

– Ну, было! – коротко ответил Фирсанов.

– А ты знаешь, что все положенцы с нами дружат?

– Ты че начальник, туфту гонишь? Я в твои байки не верю! Чтобы блатные на кума шпилили, да мусорам стучали, как суки лагерные? Че – то тут ты фуффло толкаешь, – сказал Фирсанов, пыхтя папирсой.

– Тебя стучать никто не заставляет, у нас своих стукачей хватает, а вот махновщину пресекать, это уже браток твоя забота.... Сам «Шерстяной» тебе зеленую дал.... Так вот и уважь вора, делай то, что он просит. Мужика не гнобить, поборами не заниматься.... Петухов не обижать.... Да и с суками и козлами на ножах не сходиться.... А то и они могут пырнуть в бане в кадык, как ты Синего–хрен оклемаешься. Что думаешь, я не знаю, кто ему заточку в глотку воткнул?

«Синий, сука продал», – подумал Фирсанов и тут же сказал. – А не хрен было ему мою матушку вспоминать! Вот и нарвался сука на заточку....

– Не в Синем, дело, Фирсанов! Ты теперь преемник вора на «Американке», теперь тебе суждено с босотой рамсить....

Я не хочу, чтобы тебя в зоне на заточки за «махновщину» подняли и за беспредел спросили....

На какое-то время Ферзь задумался. В словах мусора была заложена истина, от которой ему уйти было невозможно. Не смотря на свои восемнадцать лет, он уже имел положение в тюремной иерархии, что давало ему перспективы карьерного роста в настоящие воры.

– Я понял тебя, начальник, – сказал Фирсанов и, взяв со стола пачку «Беломора», сунул ее себе в карман.

– Для начала хочу тебя предупредить, что сученые тебе жизни не дадут. Так, что подтягивай к себе «торпед с огромными кувалдами», которые масть воровскую охранять будут.... Для меня ведь самое главное, чтобы вы на корпусе не баловали. А когда на этап, на зону пойдете, то там дело конвоя.... Они долго не цацкаются, за малейший косяк, пуля в лоб и на «цвинтар» с номером уголовного дела на пятке, понял?

– Блефуешь, начальник! Я по базарам знаю, какая жизнь на зоне! «Шерстяной» в Магадане «рыжье» мыл! Там, за хороший кусок «рыжухи» и пайка баланды двойная и срок косят на треть....

– Косят, косят, да только «козлам» и «мужикам», а такого блатного брата, как ты держат в отдельных бараках.... Вам же вора́м работать «впадлу». Вот только тем приписочкам, по трудодням, которыми вы раньше занимались, и за которые вам срока резались – конец пришел.... Работяги, теперь,

от воров и блатных, в других бараках «чалятся», и пахать на вас не хотят....

– Я, начальник, вор! Как мне предписано судьбой, так пусть оно и будет, – сказал Фирсан. – Время покажет и пусть оно нас рассудит....

Майор нажал кнопку под столом и в кабинет вошел «вертухай».

– Вызывали!?

– Да, Васильев, води этого босяка в камеру.... Пусть еще ума набирается. Придет время, сам на стрелку напросится, – сказал майор, закинув хромовые сапоги на стол.

Конвоир подошел к Фиксе, и сказал:

– Руки за спину.... Пошел вперед!

Глава десятая

Черный карцер

Повинуясь охраннику, Фирсанов скрестил свои руки за спиной и вышел из кабинета.

Он шел, глядя на свои ботинки, из которых так и норovali выскочить его босые ноги. Хлопая «гадами» по чугунной лестнице, Фирсанов поднимался наверх в сопровождении надзирателя, который шел сзади. Вдруг на площадке второго этажа он столкнулся, до боли знакомым ему человеком, который, так же как и он двигался под конвоем, спускаясь вниз. В одно мгновение Сашка узнал отца своего заклятого врага Краснова. Да несомненно – это был отец Краснового. Поравнявшись с ним, Фирсан поздоровался:

– Здравствуйте, Леонид Петрович, – сказал Сашка, улыбаясь на всю ширину рта.

– А, Саша, здравствуй, здравствуй! – ответил Краснов. – Ты как здесь?

– Что ты «лыбу давишь», «профура»? – и тут же ногой от конвоирующего вертухая получил в бок хромовым сапогом.

– Ты че сука, легаш поганый делаешь? – заорал Фирсанов

и опустившись на колени, нанес удар охранника в пах. Тот взвыл от боли и схватившись за свои ушибленные тестикулы, присел. Второй охранник, стоявший за спиной новоявленного «положенца», сжав связку ключей от тюремных дверей и решеток, со всего размаха ударил ими Фирсана по голове. Фонтан искр и нестерпимая боль прокатились от затылка до самых пяток. Фирсанов упал. Упал лицом на чугунную площадку между этажами. Четыре сапога стали жестоко избивать его.

– Что же вы, делаете мужики? Он же еще пацан! – вступился Краснов, и не удержавшись, ударил вертухая в челюсть.

Краем подбитого глаза Сашка видел, как отец его недруга, его врага Краснова, потянул за него «мазу». Что было после, он уже не помнил. Что-то очень тяжелое опустилось на лицо, и он в тот же миг сорвался в черную бездну беспомощности.

Очнулся Фирсанов от жуткого холода. Все его тело бил озноб. Сквозь залитые запекшейся кровью щели глаз, он осмотрелся и увидел лежащего рядом мужика, который дышал, словно собака на летнем солнцепеке. Вся его голова напоминала большой кусок фарша. Сквозь короткие волосы просматривались многочисленные раны, которые были залиты черной засохшей кровью.

– «Во бя... вляпался», – подумал Ферзь, и, преодолевая боль, сел на дощатый настил, который возвышался над полом на высоту тюремных нар. Он достал пачку «Беломора»,

изъятую у кума и закурил. Голова после тумачков ужасно болела. Кровь от раны окрасила всю рубаху, из-за чего та стала словно фанерная.

– Вот же суки, как больно бьют! – сказал сам себе Фирсанов. – Эй, ты, мужик, где это мы? – спросил он лежащего рядом человека.

Тот ничего не ответил.

– Ты, часом не нарезал кони? – вновь спросил Фирсанов, и толкнул мужика в бок. Вместо ответа он услышал глухой стон. Из чувства любопытства, Сашка перевернул арестанта и тут же опознал отца Краснова Валерки.

В памяти возникли картинки прошедших событий. Он вспомнил, как этот человек вступился за него. Это он дрался с конвойными, когда те накинулись на новоявленного жулика. Это он.... Это майор РККА.... Это был тот, которого он уважал с самого с детства.

С тринадцати лет Сашка рос без отца. Он всегда завидовал Валерке, что его отец был красным командиром и летчиком. Его каждый день с почетом возили на работу в черной машине. Это он научил Валерку стрелять из нагана. Это он научил его драться и применять приемы «джиу-джитсу». От такой зависти Ферзь еще больше ненавидел этого ботаника Краснова. Ненавидел и его любовь к Леночке Луневой из-за которой, он так легко расстался с авторитетом в своем дворе и всей Офицерской слободе. С вором Ваней «Шерстяным» он связался всего год назад, по протекции покойного

папаша. Вместе с ним он «шакалил» по ночному Смоленску, освобождая богатых НЭПманов и аристократов от толстых кошельков и золотых украшений. Умирая от потери крови, Гнусавый, просил Ивана не оставлять сына без присмотра. Так и попал Фирсанов в новый мир – мир блатной воровской жизни.

Непонятка овладела его сознанием. Он коснулся своей рукой бородатой щеки бывшего майора и в эту секунду в его сознании что-то перевернулось. Блатной гонор почему-то растаял, словно утренний туман, пригретый лучами солнца. Сердце сжалось, от какого-то непонятного сострадания к майору.

Несколько раз подряд Фирсан затаился, словно обдумывая план своих действий, и бросил окурок на пол. К своему удивлению он услышал, как окурок, упав, зашипел. Приглядевшись, Фирсан увидел, как черная вода залила половину камеры. Она стояла на уровне порога. В свете тусклой лампочки и света исходявшего из маленького окошечка, он увидел, как что-то непонятное плавает в воде. Мохнатые поросшие плесенью «колбаски» дрейфовали по поверхности, словно маленькие острова. Фирсанов присмотрелся и ужаснулся. Это были разложившиеся трупы крыс. Вперемешку с крысами на поверхности прорисовывались и другие предметы, источавшие жуткий запах.

– Бляха медная.... Да это же говно! Говно! – заорал он. Дотянувшись с настила до двери, он хотел было стукнул в

нее, но ботинок без шнурков сорвался с его ноги, и хлюпнул в эту воду, присоединившись к компании дохлых крыс. –Сука, сука, сука!!! – заорал Фирсан, словно взбесился.

В этот момент, что-то заурчало в углу камеры. Вглядевшись в сторону, где располагалась «параша», Сашка заметил, как из разбитого чугунного стояка тюремной канализации, вывалились новые порции дерьма.

– Эй, суки, хорош срать! – заорал он. Сняв другой ботинок, он стал неистово стучать им в стену, надеясь, что его кто-то услышит.

В этот миг, лежавший на настиле майор Краснов, подал признаки жизни и сквозь гортанный хрип прошептал:

– Пить, пить....

Фирсан вновь закурил. Он старался осмыслить сложившуюся ситуацию. В его голове вертелась только одна мысль. Она крутилась, словно акробат на перекладине, не давая его разуму ни секунды покоя. Валеркин отец.... Это был какой-то страшный сон.

До крана с холодной и чистой водой было всего пару метров. Она, фактически не переставая, текла в раковину, рядом с «парашей». Чтобы достать ее, и чтобы утолить жажду и нужно было просто вступить ногой дерьмо. Представив себя по щиколотку в вонючем говне, Фирсанова стошнило. Он вскочил, и, встав на четвереньки на краю настила, стал блевать, возвращая скучную тюремную баланду обратно природе. Рвотные спазмы рвали из него кишки, удаляя из организ-

ма остатки тюремной пайки. В этот миг его сердце заколотилось в бешеном ритме. Даже не смотря на холод, его пробил обильный пот.

– Пить, пить, – вновь простонал майор.

Его стон еще больше натягивал душевные струны Сашки Фирсанова. Сейчас он мог попросту отвернуться от него. Мог даже отказать в помощи. Он мог вообще не обращать на него никакого внимания и даже мог задушить этого майора, и ни кто, не «предъявил» бы ему ни слова.

– «Пусть сдохнет.... Пусть себедохнет», – ведь он, без пяти минут вор в законе знал, что ни местные обыватели, ни авторитетные каторжане, никогда не осудили бы его за подобный поступок. С другой же стороны его томил вопрос – «Валерка»!?

Хоть он и был Краснов его врагом, но в душе Сашки, в его сердце было то, что толкало его к этому крану с чистой водой. Надо было просто переступить через свои фобии и вступить босыми ногами в эту зловонную жижу.

Фирсан слышал, что в подвале «Американки» есть такая «хата», через которую протекает канализация. Жажда и голод здесь ломали любого человека, заставляя его опускаться ниже уровня этого дерьма, подписывая любой документ, который бы гарантировал глоток свежего воздуха, и чистой воды. Сашка не знал, да, наверное, не верил, что сам может угодить в это место, и как назло этот факт свершился.

– Пить, – чуть тише простонал майор.

Фирсан понял, что время идет на минуты.

Взяв в руки лежащую на настиле пустую кружку, он закатал свои штаны. Противясь всей душой, он стал медленно опускать ногу в этот кисель из дерьма и тухлых крыс. Вновь рвота подкатила к его горлу. Вновь спазмы начали выворачивать его кишки наизнанку. Фирсан усилием воли медленно опускал ногу, пока не нащупал дно. Ощутив голой пяткой пол, он встал и почувствовал, как стародавние, и уже разложившиеся человеческие испражнения, словно глина скользнули меж его пальцев.

– Суки! – заорал Ферзь и резко опустил вторую ногу, доказывая самому себе, что даже это вонючее дерьмо и эти вздувшиеся тела дохлых крыс не смогут удержать его от праведного поступка и даже сломить его жиганскую волю.

Приступы рвоты прекратились. Слегка оклемавшись от этой мерзости, он сжал двумя пальцами нос и уверенно сделал первый шаг к раковине. Затем второй, третий. Вот уже и кран с водой и он – совсем близок. Осталось дотянуться до него всего лишь рукой. Но фекалии, эти скользкие и мерзкие фекалии, и эти крысы, обволакивали его ноги. Они плавали, касаясь его кожи, вызывая в его душе жуткое омерзительное отвращение.

Сделав над собой усилие, Фирсанов дотянулся до крана. С облегчением он помыл руки, лицо, смывая с себя запекшуюся кровь и эту вонь, пропитавшую всю атмосферу помещения. Сполоснув кружку, он набрал в нее чистой холод-

ной воды и вернулся назад. В этом замкнутом пространстве камеры было непонятно, что сейчас ночь или день. Лампочка «Ильича» светила круглосуточно и только этот свет был признаком существующей жизни.

Напоив Петровича, Сашка вновь спустился к рукомойнику и налив кружку воды постарался помыть свои ноги от фекалий. Только этого жалкого количества было мало, и он ощутил, как это зловонье впитывается в его кожу. Вонь, бежала по венам, заставляя вонять и весь организм.

– Врешь—не возьмешь!!! Хрен вам! – прошептал себе под нос Фирсанов. – Хрен вы, суки, меня сломаете! Пусть я даже сдохну в этом отстойнике..... Пусть я сгнию, но никогда не встану на колени, – сказал он себе.

Закурив, Фирсан сел на деревянный настил и свесил ноги, чтобы не пачкать свою каторжанскую «кровать». В его голове поплыли вновь воспоминания, которые были связаны с Валеркой. Он вспомнил, как вызвал «ботаника» на дуэль, как бил его в подворотне за Ленку. Как «ботаник» —этот «папенькин сынок», навесил ему в ответ. От этих воспоминаний на душе стало как-то грустно.

В душе что-то щелкнуло и он, сбросив груз обиды, простил Краснова. В ту же самую секунду он понял, что оказывается ближе «ботаника» Краснова и ближе Луневой у него не было друзей. От этих ностальгических воспоминаний, на его глаза навернулась слеза.

Сашка в какой-то момент даже подумал, что хочет завя-

зять с этой тюремной романтикой и хочет вернуться туда, где осталась его мать. Здесь в этой волчьей стае, каждый норовил воткнуть в спину заточку, и занять место ближе к лагерьной кормушки. Только здесь, в тюрьме, царил закон курятника, который гласил – отпихни ближнего, обгадь нижнего, а сам, сам всегда стремись наверх».

Все эти философские размышления настолько овладели его сознанием, что он даже забыл о тех фекалиях в которых только что плавал. Стук открывающейся «кормушки» вернул Сашку в реальность.

– Эй, благота, ты еще жив!? – спросил голос «вертухая».

– Жив....

– А этот, враг советского народа!? – вновь спросил голос.

– Этот тоже жив, – ответил Фирсанов.

– Лучше бы загнулся, его все равно «вышак» ждет, – сказал голос. – На, вот – держи!

За дверью послышался звон черпака о бачок. Через секунду в маленькое окошечко в двери просунулась рука с алюминиевой миской. Сашка, не обращая внимания на фекалии, опустил в воду свои ноги и уже без всякой брезгливости и тошноты подошел к двери. Взяв миску с баландой, он поставил ее на настил. Затем еще одну. Две краюхи черного с опилками хлеба, были завернуты в газету.

– А весла!? – спросил Фирсанов.

– В карцере весла не полагаются, – ответил голос, и «кормушка» с грохотом закрылась.

– Суки, суки! – крикнул Сашка вслед уходящему охраннику. – Позови мне корпусного! Я хочу с «кумом» потарахтеть....

За дверью гулко прозвучал голос:

– Ладно, потарахтишь!

– Эй, Петрович, вставай, пайка приехала, подкрепись, – сказал Фирсанов, трогая Краснова за ногу. Тот, простонав, слегка приподнялся на локти.

– Петрович, «хавчик» прибыл, поешь! Тебе батя, силы нужны, а то так можно сдохнуть.

Краснов еле подтянул свое тело к стене, и оперся на выступающие цементные бугры «шубы».

– У тебя, Саша, курить есть? – спросил он, придя в себя.

– Есть, Петрович, есть! – обрадовался Фирсанов, воскрешению майора. – Только давай, сперва похавай, а потом мы с тобой от души покурим и поговорим.

– А тут что, еще жрать дают? – спросил Краснов.

– Ага, дают, вот только, как у вас – у летчиков.

– Это как?

– А так, сегодня день – летный, завтра день – пролетный. Сегодня – летный, а завтра – пролетный, – повторил Фирсан.

– Вот же суки, как бьют больно, – сказал Краснов, трогая голову. – Сапогами видно....

– Мне тоже досталось – мама, не горюй, – ответил Фирсанов!

– А что это так воняет? – спросил майор.

– А это Петрович, дерьмо. Мы тут по уши в настоящем дерьме, – сказал Сашка.

Краснов закинул голову, опершись ей на стену, и на мгновение закрыл глаза, стараясь вспомнить все то, что произошло. Сашка подал ему миску.

– Держи Петрович, баланду....

Краснов открыл глаза и дрожащими руками взял миску с нехитрым тюремным варевом из картошки и затхлой квашеной капусты.

– Ложка есть? – спросил он.

Сашка видя, что отец Валерки окончательно оклемался, улыбнулся ему и сказал:

– А тут Петрович, весла не положены. Хлебай так, через борт. На, вот, держи, еще пайка хлеба есть....

Дрожащими руками майор Краснов взял миску и поднес ее ко рту. Его зубы коснулись края алюминиевой «шлемки», и до Фиксы дошел стук его зубов о миску. Поставив свою пайку на настил, Сашка взял миску Краснова и стал сам кормить его из своих рук. Краснов стербал суп вспухшими губами, и, не жуя, глотал гнилые вареные капустные листья. Опустошив посуду, он взял в руку кусок хлеба и стал, его есть, отщипывая от «птюхи» маленькие кусочки.

Фирсан, видя, что майор пришел в себя, принялся, есть сам. Одним махом он проглотил остывшее содержимое своей миски, откусывая между глотками большие куски тюрем-

ной «черняшки».

Ели молча. После того, как все до последней крошки было съедено, Фирсан pokrутил ладонью по животу и сказал:

– Хорошо, но ведь, сука, мало же! Я цветущий организм и мне нужен рост!

– А я наелся, – тихо ответил майор Краснов. – Давай Са-ша, закурим, Ты же обещал....

– Ах, да, – опомнился Фирсан, и достал папиросы. Щелчком он выбил из пачки пару папирос и протянул пачку Краснову. Закурили....

Дым табака на какое-то мгновение перебил запах, исходящий из– под настила.

– А Ты почему без обуви? – спросил Краснов, глядя, как Фирсанов вытянул свои босые ноги.

– Да у меня «гад» в дерьмо нырнул.... Я брезгую туда руками лезть.

– А ногами ведь ходишь?

– А что ногами? Ноги то они ведь из жопы растут, им такая атмосфера привычней....

Превозмогая боль, пронзившую все тело, Краснов засмеялся. От такой шутки на душе стало значительно легче. Силы понемногу стали возвращаться в его разбитое тело.

– Говоришь ноги из жопы, растут? – переспросил майор. – Поэтому они и к дерьму привычные?

– Ага, Петрович, привычные!

Краснов вновь залился смехом, хоть это было довольно

больно. Отбитый ногами охранников живот болел от каждого вздоха, а тут такая нагрузка.

– Философия у тебя железная, – сказал майор, держась за пресс. – Как ты думаешь, мы тут надолго?

– Не знаю. Обычно суток пятнадцать держат, – спокойно ответил Фирсанов, затягиваясь папиросой.

– А сколько времени прошло?

– А хрен его знает.... Тут разве можно сориентироваться.... Что день, что ночь. Судя по пайке, мы сидим или один, или два дня.

В те минуты ни Фирсанов, ни Краснов не знали, что их заточение длится уже третьи сутки. Время вытянулось в одну сплошную линию, и поэтому было трудно определить, где начало, а где конец. Чувство голода тоже ни о чем не могло говорить, с момента ареста и заключения под стражу, это чувство всегда преследует арестанта до конца его срока.

– А ты, как тут оказался? – спросил Краснов.

– Замели меня «легалые», – нехотя ответил Сашка.

Ему сейчас было стыдно сказать майору Краснову, что он вместе с «Шерстяным», взял на «скок» кассу авиационного завода, где Краснов работал военпредом. Ему было стыдно, и поэтому он не хотел говорить об этом.

Фирсан слышал, как «вертухай» сказал, что этого врага народа все равно приговорят к вышке. Он знал, поэтому ничего и не хотел говорить. Не должен, не должен Краснов знать, что он, Сашка Фирсанов, без пяти минут вор, поку-

шался на деньги рабочих.

– А вас, Петрович, за что?

– Меня, Саша, обвинили немецким шпионом.... Говорят, я Родину продал и на Гитлера работаю....

– Это же бред!

– Бред не бред, но кому–то это нужно.... Немцы к нам на завод каждый год приезжали и приезжают.... У них договоренность с Наркоматом обороны. Вот только я слышал, Саша, что война с немцами неизбежна. Сталин оттягивает время, как может, чтобы перевооружить Красную армию. Но ведь у немцев тоже разведчиков хватает. Они–то Гитлеру их сраному тоже докладывают о нашем перевооружении.

– А я, Петрович, в политику не лезу. Вон вашего брата, сколько сидит.... Полная тюрьма.

В каждой хате по несколько человек лишних. Каждую ночь в подвале расстрельные приговоры в исполнение приводятся. Мочат народ русский – мама, не горюй! Я не хочу под вышку! Лучше быть блатным вором, чем политическим жмуром. Во!

– Это, Саша, ты говоришь правильно. Да и философия твоя мне понятна.... Ноги они ведь из жопы растут, поэтому их в дерьмо можно ставить смело. А раз в дерьмо наступишь, то всю жизнь оно вонять будет, жизни не хватит, чтобы потом отмыться.

Фирсанов посмотрел на свои ноги, почесал под подмышками, разгоняя собравшихся там, на собрание вшей.

– Я, Саша, это образно говорю! Натуральное говно в бане отмоешь, а вот внутреннее..... То, которое внутри, его никогда.... Оно вечно. А люди, люди они чувствуют, в ком этого дерьма много, а в ком....

– А я понял, Петрович, – перебил его Фирсанов и задумался.

Он стал размышлять над словами сказанными Красновым. Как-то само собой он вновь вытащил папиросы и предложил майору. Краснов отказываться не стал, видно предчувствие скорого конца не отпускало его ни на миг. Вот и хотел Валеркин отец жить на полную катушку даже среди этого вонючего болота.

Сколько прошло времени, было неизвестно. Дверь в камеру открылась, и в его проеме показался «кум». Он стоял с видом хозяина, широко расставив свои ноги. Хромовые сапоги были начищены до зеркального блеска. Синие галифе были выглажены так, что об них можно было порезать пальцы. Новая портупья с наганом в кобуре перепоясывала такую же новенькую шевиотовую гимнастерку.

– Ну что, жиган, ты созрел для нашего базара? – спросил начальник оперативной службы тюрьмы. – В говне сидишь по самые уши? Я слышал, ты хочешь со мной поговорить?

Фирсанов взглянул на кума и сказал:

– Знаешь, начальник, – это дерьмо можно в бане отмыть. Страшнее то, которое внутри. Его отмыть порой даже жизни не хватит, – гордо ответил Фирсанов, повторяя слова Крас-

нова. – Ты начальник, «лепилу» приторань, а то этот майор, загнется, – продолжил Фирсанов, и кивком указал на лежащего политарестанта. Он рассчитывал, что сможет через санитаря передать в камеру «маляву», в которой обрисует всю ситуацию, в которой оказался.

– Ему «лепила» не нужен! Этому немецкому шпиону и так осталось жить до приговора «тройки». Чекисты на него уже собрали досье по 58–1а. Осталось только в трибунал передать и – все! Эй, майор, ты повремени подышать – то, тебе завтра с делом знакомиться, – сказал «кум» через плечо Фирсанова. – Так что, Ферзь, будешь с администрацией дружить?

– Хрен возьмешь, начальник, Сашу Ферзя! – сказал Фирсанов и, согнув руку в локте, другой рукой стукнул по внутренней стороне, показывая такой русский хер.

– Ну, что ж, тогда посиди еще суток пять, может до тебя дойдет. Не таких воров ломали....

Кум плюнул себе под ноги, и дверь в камеру закрылась. В ней вновь стало темно и тихо.

– Слушай, Петрович, нам надо что-то делать. Эти «вертухаи» нас тут сгноят. Это факт....

– Бежать, что ли? – спросил Краснов.

– Да отсюда, ты хрен на «лыжи встанешь».... Я просто хочу связаться по тюремному «телефону» и организовать нам с тобой нехилый «грев». Жрать хочу, как медведь бороться.

Сказанные опером слова очень тронули Краснова. Он

знал, что за «измену» Родине, которую ему вменяют, он точно получит расстрел. Еще были свежи в памяти репрессии над Тухачевским, Якиром, Рокоссовским. Так— то были боевые генералы, которым немалые сроки дали, что уж говорить о сотнях и тысячах простых майорах и капитанах, расстрелянных по доносам своих же сослуживцев.

Времени оставалось очень мало, и он решил через Ферзя передать весточку жене и сыну.

— Саша, у нас, наверное, есть еще пару дней. Я знаю, что я сюда, в эту камеру больше не вернусь, а Ты наверное, сможешь увидеть Валерку и передать ему мои последние слова.

— Петрович, о чем это вы? Я думаю, что суд во всем разберется. Этого же не может быть?

— Может, Саша, может.... Мы, просто заложники своего времени.... Нам не повезло....

Фирсан смахнул рукой слезу со щеки и, вскочив на деревянный настил, заорал:

— Суки, как я вас ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

После чего он без всякого отвращения прыгнул в вонючую жижу, и постучал алюминиевой миской по стояку канализации. В ответ моментально послышались стуки со всех этажей тюрьмы.

— Эй, эй! — проорал он в трубу.

— Говори, — донесся глухой звук.

— Каторжане, я с хаты восемь три — Ферзь мое погоняло....

Меня мусора в трюм запрессовали — на пятнадцать суток.

Второй день не кормят, ломают.... Если кто может, подгоните «грев». Жрать хочу, курить хочу, аж шкура от вшей чешется!

– Базара нет, браток.... Сейчас все сделаем, – слышался гулкий звук.

Фирсан отошел от трубы, потирая от радости свои руки.

– Сейчас, Петрович, у нас и хлеб, и «бацилла», и табак будет, – сказал Фирсанов. – На пока, покури.

И Сашка протянул последнюю папиросу Краснову. Петрович дрожащими руками взял папиросу и дунул в гильзу. В этот момент на его глаза накатилась крупная слеза. Конечно же, ему было сейчас трудно говорить. Ожидание своего конца могло утомить любого, даже самого сильного духом человека. Затянувшись три раза, майор оторвал кусок гильзы зубами и передал папиросу Фирсанову.

– Кури!

Минут через двадцать в стояк кто-то постучал. Сашка спрыгнул на пол и подошел к трубе.

– Эй, – обозначился он.

– Ферзь, держи «грев»! По «киче» прогон пошел, что ты в «трюме», так что не переживай, все будет путем.... Каторжане все в курсах.... Чем можем, тем и поможем!

– Давай, ловлю! – прокричал он, и отошел от трубы.

Сверху слышался звук падающей воды, который бывает обычно после того, как арестанты промывают парашу. Вновь вода с шумом вырвалась из отколотого куска трубы, только

на этот раз вместо дерьма, выскочили аккуратные круглые колбаски, связанные веревкой. Фирсанов отцепил их, и три раза ударил миской по трубе.

– Спасибо, братаны! – крикнул он в нее. – «Грев», принял! Срите только меньше, а то меня вашим дерьмом скоро затопит, – прокричал он следом, как бы шутя.

Отмыв пропитанные парафином оболочки «торпед» от остатков человеческих фекалий, он аккуратно развернул туго скрученные газеты. В одной «торпед» лежало больше пачки папирос и спички. В другой был завернут табак, перемешанный с махоркой. В третьей «торпед» лежал кусок сырокопченой колбасы и шмат сала, граммов на триста.

– Во, бродяги, дают! Колбаса, «бацилла», куреха! Что еще каторжанину надо? Продержимся, Петрович! Ты сам своего сына увидишь и все ему расскажешь.... Правда, Валерка твой, мою кралю отбил, но я теперь не серчаю на него.... Правильный у тебя, батя, пацан!

Краснов посмотрел на Фирсанова и улыбнулся при виде каторжанской солидарности. Сейчас его занимали совсем другие вопросы. Нужно было, во что бы ни стало, сообщить жене и Валерке о том, что он никогда больше не сможет вернуться домой.

Глава одиннадцатая

Дядя Жора

Прошло более двух месяцев после ареста отца. За это время от него не было ни слуху, ни духу. Передачи, которые мать собирала ему, не принимались, и она раз за разом возвращалась домой, так и не зная, жив ли Леонид Петрович или же Как раз об этом ей не хотелось даже и думать. Вечером одного дня, когда мать после очередного посещения «американки» – смоленской тюрьмы находилась в трансе. В тот миг кто-то постучал. Валерка бросился к двери, ожидая хороших новостей, но на пороге увидел незнакомого паренька лет шестнадцати. Он был неухожен и подозрительно бледен, словно страдал чахоткой.

– А. Красновы здесь живут? – спросил он, переминаясь с ноги на ногу.

– Да, – ответил Валерка, – Я Краснов, – сказал он, не представляя, что нужно парню.

– Я тебе «маляву» с «кичи» притаранил, – сказал он по «фене», и снял с головы засаленную кепку. – У тебя «мойка» есть? – продолжил он, глядя на Валерку большими глазами.

– Слушай, я ничего не понял, что за «малява», что за «мойка»? – переспросил Валерка, пожимая плечами.

– Меня звать Сергей, мое погоняло Карнатик, я с тюрьмы, вам письмо принес от вашего папаша. . . . Дай мне «мойку», тыфу Ты лезвие. Мой, каторжанский «лепень» пороть будем.

– Пройди в квартиру, – пригласил его Валерка, и провел парня в комнату.

Достав лезвие, он подал его пареньку и стал с интересом наблюдать за его действиями. Тот снял пиджак и с ловкостью вспорол лезвием заплатку на рукаве, под заплаткой лежала записка.

Сердце Валерки казалось в ту секунду, вырвется из груди. Он смотрел на кусочек промасленной бумаги, и каким-то шестым или даже седьмым чувством почувствовал, что это послание писал его отец.

– Мам! – крикнул он матери. – Тут от отца, письмо принесли!

Мать ворвалась в комнату с глазами полными надежды и накативших на глаза слез. Она в этот миг ничего не могла понять. Схватив трясущимися руками жалкий кусок бумаги она даже не могла прочесть то, что было там написано. Слезы почему-то градом катились по ее щекам.

Светлана старалась развернуть сложенную записку, но трясущиеся руки мешали это сделать. Она, увидев, что у нее ничего не получается, вновь вернула записку Валерке, и затаив дыхание, посмотрела на сына.

– Валера, сынок, – прочти. Я очень волнуюсь....

Валерка аккуратно развернул записку. В его глаза брызнули до боли знакомые буквы отцовского почерка. На глаза мгновенно накатила пелена проступивших слез. Он, глубоко вздохнул, и набрав полную грудь воздуха, начал читать:

«Моя Светочка и Валерка! Много написать у меня не получится. Хочу, чтобы вы знали, что я ни в чем не виновен.... Не стоит слушать людскую молву и даже верить приговору, по которому меня пытаются осудить. Я не думаю, что у меня будет возможность написать еще, но при okazji обязательно я это сделаю. У меня нет слов, чтобы выразить все то, что я чувствую к вам в этих холодных и сырых стенах. Я верю, что наш Валерка станет настоящим мужиком и никогда....»

Записка закончилась как-то внезапно и непонятно. Было ощущение, что сатрапы смоленского НКВД просто вырвали ее из рук, не дали шанса закончить отцу предсмертное послание.

– А что дальше? – спросила недоуменно мать.

– А все, – ответил сын удивленным голосом и подал записку матери.

– Я, это.... Хочу сказать, что батьку вашего из камеры тогда забрали. Он мне сунул эту «маляву», и, уже уходя, назвал ваш адрес. Еще он сказал, что вы денег мне дадите, – ска-

зал Карнатик, кусая свои ногти в ожидании причитающегося вознаграждения.

Мать Валерки сидела за столом, подперев голову руками. По ее лицу текли слезы, и она ничего в эту минуту не понимала. Огромное горе сжало ее сердце сильной рукой разлуки, и она почувствовала, что это письмо от мужа было последним.

– Мам, у тебя есть деньги – надо с курьером рассчитать – сказал Валерка, положив свою руку матери на голову.

Словно отойдя от сна, мать встрепелулась. Она вытерла накатившиеся слезы, тихо сказала:

– Ах, да! Прости меня малыш – я совсем расклеилась. Привстав из-за стола, она подошла к комоду. Вытащив из него шкатулку, Светлана достала червонец и протянула его пареньку.

– Премное вам, мерси, – сказал Карнатик, и спрятал деньги во внутренний карман пиджака.

– Может, ты кушать хочешь? – спросила мать. – В тюрьме, наверное, очень плохо кормят. Я вижу ты сильно бледен – голодал наверное?

– Я, мамаша, полгода под следствием на «киче» парился.... Вот и отощал на казенных–то харчах. В деревню, к бабке, поеду в Хиславичи. Там молоко, сметана есть.... Через месяц оклемаюсь и наберу потерянные жиры....

– Ладно, проходи на кухню, – сказала ему Светлана, и пригласила за стол.

Карнатик, без всякого смущения уселся за стол и, закинув ногу на ногу, приготовился к трапезе.

Мать отрезала краюху хлеба и достав из духовки еще теплый суп, налила целую миску.

– Суп гороховый будешь? – спросила его Валеркина мать.

Карнатик, жадно откусывая хлеб, лишь махнул своей головой. Налив миску горохового супа, она подала его гостю, а сама, подойдя к окну, скрестила на груди свои руки и, отключившись от всего мира, уставилась на улицу. Карнатик ловко орудовал ложкой, со звоном и стербаньем, опустошая фарфоровую тарелку, пока в ней не осталось ни капли.

– Вы, мамаша, так особенно–то не переживайте, может быть твоего благоверного отпустят.... Там щас, на «киче» полная неразбериха.... Кто за кражи, кто политические, кто за всякие убийства сидят, кто враги народа и шпиены всякие. Не тюрьма, а настоящий пчелиный улей. Не ровен час – отпустят, – сказал Карнатик, вселяя в Светлану надежду. Она, кутаясь в шаль, накинутую себе на плечи, молчала и продолжала стоять и смотреть в окно. Было такое ощущение, что она вообще не слышит гостя.

Карнатик, видя, что на его слова никто не реагирует, тихо вышел из кухни и направился к выходу. Валерка вышел за ним и, пройдя на лестничную клетку, спросил:

– Слушай, Карнатик, как он там, Расскажи мне без матери.... Я правду хочу знать.

– У тебя, наверное, больше нет батьки.... Ферзь просил

передать на словах, что твой отец настоящий мужик.... Он с ним в карцере сидел. Отца твоего с «кичи» увезли.... Куда и когда, никто не знает.... Ферзь пробивал по всей тюрьме, его ни в одной хате не было.... Может в управлении во внутреннем дворе.... Там тоже есть тюрьма....

– А, Ферзь, это....

– Это Фирсанов Сашка.... Он сейчас на «киче» в авторитете! Сам Ваня «Шерстяной» –его в жиганы перевел.... Теперь он «паханит» и «цинкует» за «Американкой».

– Фирсан в паханах? – с удивлением переспросил Валерка. – Он же еще молодой....

– Ворам, браток, виднее.... Чуют воры, что Ферзь правильный каторжанин, от того и ставят его в паханы, – сказал Карнатик. – Ладно, бывай, я пошел.

Валерка смотрел вслед уходящему по лестнице Карнатику, а слезы уже заполняли его глаза. Не верил, не верил он в то, что отца больше нет. Не верил, что вот так просто можно, без всяких доказательств, приговорить человека к расстрелу. Не верил и не понимал, что происходит в этом мире такого, что ему еще не понятно? Видно, прав был старый еврей Моня, когда говорил ему, что дьявол будет жать свою жатву стоя по самые колени в крови, и пожирать своих же детей от духа своего и плоти.

В груди, словно загорелся огонь, а перед глазами вновь поплыли буквы, выведенные аккуратным почерком отца. Валерка вошел в комнату и ничего не говоря, рухнул лицом

на диван. Он плакал, словно мальчишка, тяжело вздыхая и воя, словно собака, потеряв любимого хозяина. Он плакал, вытирая глаза рукавом рубашки, и не верил, что судьба разлучила его с отцом, уже не на день и не даже на десять лет, а навсегда.

Судьба развела их на всю жизнь и больше никогда он не увидит его чистых и хитрых глаз и сильных отцовских рук. Он плакал, и не знал, что это были последние его юношеские слезы. Сколько их еще будет в его жизни, он не знал, но, то уже будут совсем другие слезы – слезы горечи и потерь боевых друзей и горячо любимых друзей, с которыми ему предстоит познакомиться.

Леночка вошла в комнату беззвучно, словно пантера. Перед ее глазами предстала странная картина: Будущая свежая кровь стояла на кухне около окна и дымила папиросой, пуская густой дым в стекло. Валерка лежал на диване лицом вниз и молчал, не обращая ни на кого своего внимания. Он был в полном трансе.

Лена подошла к нему и, присев на край дивана, положила руку на голову. Краснов в ту секунду даже не шевельнулся. Он, продолжая скорбеть по окончательной потере родного человека. Так и сидела Лена, держа руку на его голове. Она гладила его по голове, перебирала ему густые волосы, пока Краснов не обратил на нее внимание. Он взял ладонь Луневой в свою руку и нежно поцеловал. В эту минуту Леночка поняла, что горе вернулось в семью Красновых. Дев-

чонка не стала приставать к своему кавалеру с расспросами, внутренне понимая, что любое слово, сказанное ей, может стать лишним и даже неуместным. Все и так было понятно без слов. влюбленным девичьим сердцем, своей нежностью она хотела просто забрать у Краснова ту боль, которая сжимала его сердце.

– Прости! – сказал Краснов младший. Он хотел улыбнуться, но его опухшие и красные от слез глаза, выдавали истинное настроение.

– У вас были двери открыты. Я подумала....

– Ты правильно подумала, – ответил Валерка, с хрипотцой в голое. – Отец письмо прислал.

– Жив, – переспросила Леночка, надеясь на чудо.

– Я бы тоже хотел так думать, – сказал Валерка, и поднявшись с дивана сел рядом с Луневой. – Прости что я в таком виде....

– Я понимаю, – ответила девушка. – У меня ведь тоже погиб отец в Монголии.

– Когда заешь, что он умер, проще жить. Я каждый день надеюсь, что вот сейчас он войдет в квартиру, и улыбаясь скажет: «Собирайся сын, поедem на охоту».

– Да, Валерочка, ты прав! Неведение – это хуже всего.

Валерка встал с дивана и, подав девушке руку, помог приподняться.

– Мать на кухне, сходи – поздоровайся с ней, – сказал Валерка, и обняв Леди, поцеловал ее. Сердце Ленки сжалось,

но тут же, отпустило. Она в тысячную долю секунды поняла, что это был поцелуй не любящего человека, это был поцелуй последней Валеркиной надежды.

– Не надо, – тихо сказала она Краснову – Не надо.... Верь, отец к тебе обязательно вернется, и вы снова будете вместе....

Глубоко вздохнув полной грудью Лунева прошла на кухню и, подойдя к Светлане, обняла ее за плечи.

– Здравствуйте Светлана Владимировна....

Будущая свекровь прижала к ней свою щеку и тихо ответила:

– Здравствуй Леночка! Прости, я сегодня не в форме. От нашего папы весточка была, я очень расстроилась, сказала она, вытирая носовым платком заплаканные глаза. – Парень приходил какой-то. Его с тюрьмы выпустили. Вот он весточку и принес....

Мать, переживая всем сердцем постигшее ее горе, замкнулась в себе, и буквально за три дня на голове еще молодой женщины появились первые пряди седых волос. Она никак не могла смириться с потерей мужа и это чувство неизвестности, постоянно угнетало ее, порой доводя до спонтанных истерик и приступов неврастения.

С момента ареста отца, прошли уже более двух месяцев, а кроме той жалкой записки на тюремном клочке промасленной бумаги, больше никаких вестей от мужа не было. Несколько раз она ходила на прием в управление НКВД, но

каждый раз слышала только одно:

«Ждите, о судьбе майора РККА ВВС – Краснова, вам сообщат официальным письмом....

Время шло, а о судьбе бывшего летчика и героя Испании, майора Краснова, никто извещать так и не спешил.

Все давно знали, что приговор тройки уже приведен в исполнение, а его тело вместе с сотнями тел таких же, как он командиров рабоче-крестьянской Красной армии, теперь уже покоится в безымянной могиле невдалеке в урочище Козьи горы.

Глава двенадцатая

Арест матери

Прошло уже четыре месяца после того, как арестовали отца. На дворе уже была темная сентябрьская ночь. «Воронок», скрипнув тормозами, замер невдалеке от подъезда, где еще совсем недавно жила в полном составе семья Красновых. Красные точки горящих окурков в машине, просматривались сквозь мокрое от дождя окно. Их было трое. Синие галифе, промокшие от дождя плащ – накидки, черные хромовые сапоги, да фуражки с малиновой тульей.

В те годы, люди в такой униформе, почти в каждую семью несли беду и были плохим знаком, наподобие «черной кошки», которая внезапно появлялась на пути, пересекая дорогу. Не обошла беда и семью Красновых. Следом за отцом, в застенки НКВД, как «жена врага народа», угодила и Светлана Владимировна.

Светлана, вероятно, чувствовала, что время ее пребывания на свободе сочтено, а машина сталинского «правосудия», уже начало творить свое коварное и беспощадное дело. В те годы многие ощутили на себе, что за арестом главы

семьи, как правило, карательные органы системы, производили окончательную зачистку. Почти все члены семьи не пожелавшие отказаться от родственных уз, подвергали репрессиям по статье 58– 1в УК РСФСР.

Лишь сумрак пал на улицу, в дверь Красновым кто-то убедительно и настойчиво позвонил.

Светлана, положив свои ладони на грудь, тихо подошла к двери и мелодичным и тихим голосом спросила:

– Кто там?

– Краснову Светлану, – обратился невидимый, неизвестный мужской голос.

– Да! Я вас слушаю....

– Вам послание от мужа, – проговорил тот же голос.

Сердце Светланы в этот миг екнуло. По всему телу пробежала волна Какой-то невиданной слабости. В голове полетели разноцветные круги, и ноги Светланы Владимировны подкосились. Опершись спиной на дверь, она стала медленно опускаться на пол. В эту секунду все смешалось в ее голове. Страх, жуткий страх, сковал ее тело, а на уставшие от слез глаза опустилась какая-то полупрозрачная пелена.

В тот миг кто-то за дверями заорал:

– Открывай, сука, мы знаем, что ты там, – проговорил тот же голос, но уже более настойчиво и с нескрываемой грубостью. – Ты контра, пожалеешь, когда мы эти двери выломаем!

Валерий, шокированный вечерним визитом незваных го-

стей, одевшись на скорую руку, выскочил в коридор и за-
слонил спиной мать. Он стоял напротив двери и непонима-
ющими глазами смотрел на нее, как бы спрашивая ее сове-
та. Краснов всем сердцем ощутил какую-то незащищенность
и странную беспомощность. В это мгновение ему хотелось
броситься к двери, навалиться на нее всем телом. Забарри-
кадироваться и принять смертельный бой, чтобы защитить
мать от этого произвола. Хотелось, но что-то его сдержива-
ло....

Валерий тихо подошел к матери, и, опустившись на коле-
ни, обнял за плечи. Прижав голову к своей груди, он глубо-
ко вздохнул и поцеловал ее в щеку. Спазмы сжали его гор-
ло, словно тисками. Валерка в ту минуту молчал. Он боялся
спугнуть те последние секунды, которые остались у них.

Глухие удары тяжелых сапог в дверь, в унисон слились с
ударами их испуганных сердец.

– Открывай, же – сука, – вновь послышался голос, и дверь
загудела под натиском разъяренных чекистов.

Валеркина мать приподнялась с пола и с каким-то отрешенным и смиренным видом, открыла стальную задвижку.
Дверь с грохотом распахнулась, чуть не расплющив Валерку
о стену.

– Краснова Светлана Владимировна, ты? – спросил мор-
датый НКВДешник.

В ту секунду от него дурно пахло луком и перегаром де-
ревенской сивухи, которую, судя по всему, он пил буквально

перед тем как арестовать Светлану.

– Да! – ответила Краснова.

– Почему так долго не открывали? Что, прятали улики!? Шифровки в печи жгли?

– Мы уже спали, нужно было одеться, – сказала мать, более спокойным и ровным голосом.

– Панфилов, глянь голубчик на кухню, может, они какие «вещдоки» в печке палили? Эти контрики на все способны!

– Есть, товарищ капитан, – сказал молодой чекист и, оттолкнув Краснову, скрипя и сапогами по паркету, вошел на кухню. Он заглянул во все углы, не исключая и помойное ведро.

Тем временем капитан НКВДешник, скинув с себя плащ–накидку, повесил ее на вешалку и, посмотревшись в зеркало, улыбаясь, сказал:

– Вы нас не ждали, а мы приперлись! Ну, хозяйка, показываем, где у вас антисоветская литература лежит, где оружие спрятано и иностранные денежные знаки и аппаратура для связи с резидентурой?!

Он схватил Светлану за предплечье, сопровождал ее в комнату и толкнул вперед себя. Наугад, нащупав рукой выключатель, чекист включил свет, и заставил мать и сына сесть на диван.

– Ну, шо, господа шпиены, контрреволюционеры, троцкисты – утописты будем собирать вещички, – спросил капитан, ерничая над горем. – Вот полюбопытствуйте мадам, это

так сказать мандат на ваш арест, – сказал чекист, и, поставив перед Светланой стул, уселся перед ней, показывая торжество власти.

Он достал из галифе папиросы и, дунув в гильзу, прикурив от немецкой бензиновой зажигалки. В тот миг Валерка вспомнил эту зажигалку. Эту зажигалку после футбольного матча с легионом «Кондор» подарил отцу один из немецких летчиков, и спутать ее было нельзя. На ней красовался имперский орел со свастикой в когтях.

– Так, граждане арестованные собирайте вещички! Два комплекта нижнего теплого белья, ложка, миска, кружка. Можно не скоропортящиеся продукты в виде сала и копченостей. Можно, мыло, одеяло и сухари, – говорил НКВДешник, словно по-заученному, наполняя комнату табачным дымом.

Из кухни в комнату вошел лейтенант. Он с треском откусил наливное яблоко, которое взял там без спроса с кухонного стола и, чавкая, сказал:

– Егорович, нет там ни хрена – никаких документов! Печь не топлена! Все чисто.

– А откуда им там взяться, дурень! У них два месяца назад обыск был. Ты че, летеха, вообще ничего не усекаешь? Ничего, обвыкнешься, салабон! – сказал капитан, продолжая куражиться над Светланой.

– А, а, а, понял, – ответил лейтенант. – Это типа такой маневр! Пока я Егорович, на кухне мусорные ведра шмонаю,

вы тут товарищ капитан, по золотишку да по ассигнациями специализируетесь!

– Брось нести околесицу! Сядь – не мешай работать, – сказал старший.

Лейтенант, откусив яблоко, уселся рядом со Светланой, и демонстративно закинув ногу на ногу, бросил на пол перед ней огрызок, и сказал:

– Че сидишь – овца? Собирай, манатки, на «кичу» поедем, клопов кормить.

В груди Валерки в тот миг, словно разорвалась граната. Ему так захотелось залепить этому холеному сатрапу ногой прямо в его наглую физиономию, но он еле сдержал свои эмоции, не поддаваясь на провокации. С чувством ненависти, он крепко сжал зубы так, что бугры мышц, зашевелились на его скулах. Закипая от злости, и не говоря, ни слова, Валерка нагнулся и, подняв злосчастный огрызок, с силой сжал его в кулаке.

– Давай, давай щенок! Чистота – это залог здоровья, – сказал лейтенант с непонятной ненавистью к обитателям этого дома, будто в тот миг перед ним были не граждане страны советов, а заклятые враги и предатели.

– Ты Панфилов, особо не зарывайся! Дай даме спокойно собраться! Чай дорога ей сегодня дальняя – в казенный дом. Пусть соберет вещички, как полагается, а то накатает жалобу Фатееву, будут нам потом и премиальные, и кубари на петлицах.

Видя, с каким пренебрежением чекисты обращаются к матери, Валерка с такой силой сжал в руке огрызок, что раздавил его. Остатки мякоти просочилась сквозь пальцы.

– О, о, о, Егорович, глянь на пацана! Сейчас в драку бросится шкет! Прыщ плюгавый....

– Угомонись, Панфилов! Мальца не трогай, ведь она ему мать, – сказал старший. – Пепельница хоть в этом доме есть? – спросил он, обращаясь к Валерке.

Краснов поднялся с дивана и прошел на кухню. Вернувшись, он поставил отцовскую пепельницу сделанную солдатами из латунной гильзы артиллерийского снаряда на стол. На ней искусно была выгравирована дарственная надпись, и барельеф военного летчика в обрамлении лавровых веточек.

– Занятная вещица, – сказал капитан, с любопытством рассматривая днище тяжелой, латунной гильзы. – Батьке, что ли подарили?

– Да отцу! – сухо ответил Валерка, видя, как мать складывает свои вещи в небольшой узелок.

В тот миг его словно осенило. Он вспомнил про отцовский «Браунинг», который был спрятан в подвале дома. Сейчас это была единственная возможность поквитаться с чекистами и даже спасти мать, думал он, сжимая кулаки.

Мысль, словно шило, кольнула его в мозг, а в груди загорелось желание всадить в этих страшных людей всю обойму. Как сын своих родителей, Валерка знал, знал, что ни мать, ни отец, ни в чем небыли виновны и это были чьи-то происки.

Для него они были святыми. Он чувствовал, что по чьей-то чужой воле, по чьему-то ложному навету они просто стали заложниками этого времени.

В голове Краснова одна идея сменяла другую, изыскивая всевозможные варианты его дальнейших действий. Как он ни старался исключить расправу, все его думки сходились только на злосчастном «Браунинге». Он уже как бы почувствовал холодок металла в своих руках, и даже представил, как пули, выпущенные им из пистолета, поставят точку в каком-то беспределе и беззаконии.

– Ну, что тетка, собрала свои хотули? – спросил капитан.

– Я готова, – спокойным и ровным голосом ответила Валеркина мать, не теряя душевного ни достоинства, ни женской гордости.

– Ну, раз готова – тогда пошли!

Чекисты поднялись и, пропустив вперед Светлану, собрались, было идти, но....

Валерка вспыхнул, словно порох от искры. В одно мгновение он вскочил, и следом бросился на шею матери. Он крепко в последний раз обнял ее, и прижал к своей груди. Валерка целовал материнские щеки, стараясь хоть на минуту, хоть на секунду задержать ее в своих объятиях. В тот момент молодой лейтенант грубо оттянул его за плечо, и со всего размаха ударил парня в скулу. Краснов не удержал равновесие, и словно подкошенный рухнул на пол.

Валеркина мать, увидев, как здоровый мужик ударил ее

сына, что было сил, заорала:

– Что ж вы делаете, люди вы или звери? Он же еще ребенок!

– Прочь с дороги, щенок! Раз ты ребенок, готовься – завтра поедешь в приют для таких же, как ты.... А квартиру мы сейчас опечатаем, до особого распоряжения начальника управления. Ты понял меня, стервец, – спросил лейтенант, стараясь показать свою власть.

Краснов, тыльной стороной ладони вытер кровь, стекающую из рассеченной губы, и не отводя глаз от лейтенанта, поднялся с пола. В тот миг что-то тяжелое и гнетущее навалилось на него, странной пеленой. К горлу вновь подкатил комок горечи, а глаза заблестели от слез. Парень вдруг застонал и, упав на колени, стал кулаками бить по паркетному полу, чтобы хоть как-то унять ту боль, что разгорелась внутри его груди. Он бил руками, скулил, катался по полу, но так и не смог заплакать. Сколько он находился в этом припадке ярости и скорби, он не знал.

С каждой минутой Валерке становилось все хуже и хуже, пока он не провалился в черный «церковный» подвал сна.

Леди уже почти по привычке, бесшумно вошла в квартиру Красновых. Первое, что она увидела, это был Валерка, который неподвижно лежал на полу. Квартира была пуста. Не было в ней ни приветливой улыбки Светланы Владимировны, ни ее прежнего тепла. Создавалось такое ощущение, что злая и неведомая сила лишила этот дом своей души и того

семейного счастья, которое было здесь совсем недавно.

Леночка бросилась к Валерке. Встав на колени, он перевернула его лицом вверх. В тот момент она просто его не узнала. Его лицо было серым. Губы вспухли и посинели, а кровь засохла вокруг рта и на подбородке. Ей сначала показалось, что он умер, но тепло его тела говорило, что Валерка жив. Ленка похлопала его по щекам. Краснов приоткрыл опухшие от слез глаза.

– Ты жив, слава богу! Я так испугалась! Что случилось? Почему Ты на полу? – стала его засыпать Леди вопросами.

Валерка приподнялся, сев на пол, он облокотился на диван и, сказал:

– Ночью чекисты приходили. Они и маму арестовали.

– Как? За что, – проглотив ком, еле проговорила Ленка, всем сердцем сочувствуя Краснову.

– За то, что она жена врага народа и немецкого шпиона! – сказал Валерка с суровым выражением своего побитого лица.

Он встал с пола и молча, прошел на кухню, где над печкой на полке лежали уже его папиросы. Он взял одну папиросу и прикурил. Теперь он остался один. Не было того строгого отцовского внимания и материнского неодобрения его дурной привычки. Он был один, и это чувство было до ужаса, до нестерпимой боли неприятным. Тяжело было сейчас осознавать такую потерю, да и даже думать о ней, как о свершившейся правде.

– Что ты молчишь, ведь надо что-то делать!?! – бросилась к нему Ленка, стуча ему в грудь и маленькими кулачками.

– Что я смогу сделать? Написать дедушке Калинину, поехать в Москву к Сталину? Что, что? Ты можешь сама сказать, что?

– Я, Валерка, не знаю.... Это какое-то недоразумение. Неужели никто не может остановить это безумие – это же не тридцать седьмой год?

– Ты бы, поменьше болтала, а то и тебя за антисоветчину упекут. Ты лучше в школу иди, а мне нужно найти жилье. Сегодня придут чекисты квартиру описывать и опечатывать. Меня обещали в приют отправить. Я знаю, по этой статье меня тоже могут сослать, куда–нибудь в ссылку.

– А может к нам? – спросила Леди, глядя на него заплаканными глазами.

– А что скажет твоя мать? Жених пожаловал, без гроша за душой.... Нет, Леночка, я так не могу. К бабке надо ехать в деревню....

– А как же школа? Как твои полеты? Ведь это же, Валерик, последний год.

– Я не думаю, что в школе меня примут с объятиями. Вон, у Ваньки, тоже арестовали отца и мать. И где теперь тот Ванька? В приют для детей врагов народа отправлен? Нет, Ванька, уже далеко в Забайкалье. Я так не хочу! Это не мое. Я должен, должен стать военным летчиком. Отец должен гордиться мной! Ты это – понимаешь, я ведь ему и ма-

тери обещал?

Когда он говорил это, то даже на сотую долю не мог усомниться, что отец еще жив. Он не мог, да и просто не хотел впускать в свою голову мысль, что больше никогда не увидит его. Валерка сунул руку под стол, где был его тайник. Вытащив жестяную коробку из— под монпансье, он открыл ее. Значки, фотографии, Ленкины записки, комсомольский билет и другие документы хранились в ней, как самое дорогое и ценное в его жизни.

Положив коробку на стол, Краснов стал укладывать свои вещи в большой отцовский фанерный чемодан. Леди, совсем забыв о школе, принялась помогать ему в его нелегких сборах. Сейчас ей было все равно, пропустит она уроки или нет. Необходимо было в такую минуту помочь Краснову. Книги, учебники, тетради она складывала ровными стопками и перевязывала шпагатом. Через час все было готово. В квартире осталась лишь мебель с казенными инвентарными номерами, да кухонная утварь.

— Вот и все, — сказал Валерка, и присел на диван, где еще ночью сидел слегка подвыпивший чекист.

— Немного же у тебя вещей. Ты Краснов, не очень— то и завидный жених! Оставь их пока у нас, я думаю, мама будет не против, — сказала Леночка, положив голову ему на плечо.

— Так найди себе богатого нэпмана или лучше НКВДешника! Пусть он тебе дорогие вещи покупает, — обидевшись, сказал Валерка и отвернулся.

– Прости! Прости, я не хотела обидеть тебя, – сказала Лена и поцеловала парня в щеку. Она подвинулась к Краснову поближе. Взяв его за руку, она нежно прижалась к его щеке. Она была на удивление теплая. В тот миг Ленка почувствовала, как кто-то невидимый нежным перышком начал щеко-тать ее внутренности. Это было настолько приятно и ново, что она не удержалась и вновь поцеловала его.

Парень удивился. Леночка никогда за все время дружбы не допускала себе подобных вольностей. Наоборот, ее строгость и девичья неприступность импонировала Краснову. А сейчас, сейчас она была на удивление мила и вполне доступна. Ее запах, ее нежная кожа на удивление притягивали словно магнит. Набравшись духа, Валерка, закрыв глаза, чмокнул Ленку в щеку. К его губам моментально прилип ее неповторимый и приятный запах. Он настолько возбуждал, что Краснов впервые ощутил, как он хочет быть с этой девочкой. Ему казалось, что внутри его, словно в стакане с газировкой, стали подниматься мелкие пузырьки. Они исходили откуда-то с самого низа и, поднимаясь вверх, касались его легких, его сердца. От этих прикосновений было необычайно приятно и тепло.

Сам того не заметив, Валерка коснулся рукой ее колен. Леди на его действия не обратила никакого внимания, она лишь сильнее прижалась к нему и ее теплые губы вновь впились в шею парня. Это прикосновение, словно удар тока пронзило все тело мальчишки. Его рука уже скользнула

по ноге выше, слегка приподняв шерстяной подол школьного платья. Еще нежнее, еще приятней ее губы целовали его. Ленка задышала, словно паровоз высоко поднимая грудь. Она засопела, инстинктивно наклоняя свое тело назад и увлекая за собой Краснова. Ей хотелось, чтобы он, целовал все ее тело. Впервые в жизни ей было необыкновенно приятны все его касания, а от закипающей страсти ей хотелось даже умереть.

Обхватив Краснова за шею, Лунева, потянула его на себя, вдавливаясь с такой силой, что ей показалось, что она готова слиться с ним в один целый организм. Его тело в этот момент дрогнуло от такой неожиданности. Оно как бы окаменело, старясь из-за своей неопытности сопротивляться соблазну. Но уже через мгновение, переборов себя, Валерка расслабился. Тело вновь стало податливым и послушным, как будто было сделано из пластилина. Откинувшись на диван, Лунева, стыдливо прикрыв глаза, отдалась Краснову без остатка. Валерка гонимый природным инстинктом и бушующей в его груди страстью, почувствовал, как он всем телом, всей своей мужской природой хочет Луневу как женщину. От такой мысли его даже затрясло, но природа брала свое. Было ли это от страха, или от неизведанных ему ранее чувств, он не знал. Его пальцы пробежались по пуговицам, которые застегивали платице на груди, но их было столько много, что Краснову показалось, что он не раздевает девчонку, а разминается перед игрой на баяне.

– Ты меня хочешь – прошептала Ленка, подставляя жаркие губы.

– Боже, как мне хорошо с тобой – ответил Краснов, целуя ее влажные и приятные уста. – Я люблю тебя!

Ленка слегка сладострастно застонала, и закинув руки ему за шею, прижала его тело к своей груди, и, прошептала.

– Возьми меня! Делай – делай, что хочешь! Будь моим! Мне так хорошо, что я готова даже умереть в твоих объятиях....

От таких слов по коже Краснова пробежал миллион муравьев на острых железных шпильках. Трясущиеся от страсти руки девчонки вцепились в его рубашку. Ленка стала расстегивать пуговицы, стараясь добраться до его обнаженного тела. Краснов был ошеломлен. Все, о чем он мечтал ранее в своих юношеских фантазиях, сейчас удивительным образом сбывалось. Неуверенность и страх чего-то нового, пока еще сдерживало его. Он ничего не понимал, что делать в таких случаях. С одной стороны он хотел овладеть девушкой и войти в нее, но с другой стороны он боялся, что она не простит ему его напора и необдуманной решительности.

Лунева в эту секунду была просто счастлива. Ей было настолько хорошо с этим парнем, что она была готова впустить его в свое тело без всяких условий. Она удивлялась его не решительности, и сама вела его по пути сладострастия. В тот миг он мог делать с ней, то чего подсказывала ему его фантазия. Ласковые руки Краснова, скользнув по ее ногам, под-

нимаясь все выше и выше пока не коснулись каких-то непонятных подвязок, на которых крепились ее чулки. Неуверенными движениями он хотел было растянуть этот женский аксессуар, но не знал, как устроен этот механизм. Впервые он ощутил его и пальцами.

– Боже – что это, – спросил он Ленку.

Девушка таинственно улыбнулась и сказала.

– Это застежка....

– Как, как это работает, – глубоко дыша, спросил Краснов, сгорая от нетерпения. – Я не могу справиться.

– Все очень просто, – ответила Лунева, улыбаясь, и задрал подол платья до самого пояса, обнажила всю «сложность конструкции». – Вот смотри. Надо просто взять его в руки, и большим пальцем надавить на эту маленькую пимпочку. И все!

– И все? Так просто, – сказал юноша, удивляясь.

Нащупав пальцами другую застежку, он уже ловким движением отделил чулок от пояса, торжествуя в душе свою победу. С каждой секундой, с каждым движением он был ближе к заветной цели. Еще мгновение, и неприступная «крепость» капитулирует, под натиском его войска.

– Боже, я сойду с тобой ума! Что ты со мной делаешь, – спросил Краснов, стягивая с ноги чулок. Обнажив девичью ножку, Валерка впервые так близко увидел то, что рвет мужские сердца на части. В его руках была настоящая живая женская ножка. Это было что-то завораживающее что-то

умопомрачительное. Его трясло от новых ощущений. Губы инстинктивно тянулись, к этому очаровательному произведению природы, и ему хотелось лобызать их, от кончиков пальцев, до самых – до окраин. Он целовал, гладил нежную девичью кожу, которая была настолько приятна и шелковиста, что ему хотелось стонать от удовольствия.

– Будь смелее, – сказала Ленка, предоставляя ему оперативный простор для дальнейшего наступления. – Я хочу тебя! Я люблю тебя! И хочу быть с тобой всю жизнь, – прошептала она, на ухо Краснову.

Сердце девчонки колотилось от приливающих порций адреналина и каких-то гормонов, которые трясли ее плоть, заставляя возбуждаться сильнее и сильнее.

В тот самый момент, когда Краснов под натиском бушующей в его теле страсти преодолел последнюю линию обороны и стянул с Луневой трусики, обнажив заветный, поросший, недлинными волосиками «треугольник», в дверь кто-то нежданно постучал.

Тело Краснова дернулось. В голове моментально возник образ матери, вернувшейся из тюрьмы. Но этот вариант был, сразу отвергнут, и он вспомнил, что это чекисты.

Он вспомнил, что сегодня должны были прийти представители НКВД, чтобы опечатать отцовскую квартиру. Увлечшись любовной игрой с Луневой, он абсолютно выпустил этот факт из головы.

– Ленка, это ЧК! – сказал он и, вскочив с дивана, стал

застегивать на ходу штаны, которые уже упали ниже колен.

Леночка спокойно опустила платье, свернула трусики и чулки, и спрятав их в школьную сумку поправила прическу. Но пунцовый цвет ее лица скрыть было невозможно. Воздух в квартире настолько пропитался эстрогенами, что любой человек, попавший в эту среду, мгновенно отреагирует на окружающую атмосферу.

Пока Краснов метался по квартире в поисках рубашки, носков – в дверь вновь постучали. Впервые в жизни он ощутил себя на месте любовника, которого застал муж в постели своей жены.

Стук более настойчивый уже сменило дребезжание звонка. Это повторялось вновь и вновь, но уже более требовательно. Надевшись, Валерка бросился к двери. Его испуганные глаза, его разгоряченное лицо, выдавали его состояние. Наконец – то он отодвинул металлическую задвижку и приоткрыл двери.

На пороге квартиры, широко улыбаясь, стоял участковый уполномоченный дядя Жора. Судя по его ехидной улыбке, он был в курсе того, что происходило за этими дверями.

– Вот, сам Валерий Краснов собственной персоной! Сын врага народа, занимается любовью с дочкой знаменитого смоленского врача.... Пока его батя с мамкой в тюрьме на нарах, их сын развлекается с девушкой, – сказал он с такой издевкой, что внутри Краснова вспыхнул огонь. – Ты Краснов, собрал свои пожитки? За тобой пришли гаденыш!

В этот миг Валерка увидел за спиной участкового еще двух человек в штацком. Их суровые, лишенные эмоций лица, выдавали в них представителей компетентных органов.

– Ну, что, будем тут стоять, или пустишь в хату? – спросил дядя Жора, отодвигая Краснова в сторону.

– Да, да, проходите, – словно очнувшись, сказал Валерка, слегка заикаясь.

Участковый, как представитель местной власти вошел первый. Следом за ним прошли чекисты.

– Вот гнездо коварного врага и этого «шпиена», – сказал легавый, рассматривая квартиру.

– Да, квартирка знатная! – сказал один из гостей, положив толстую кожаную папку на стол. – Будем делать ревизию и опечатывать! Ты парень молодец! Я вижу, ты свои манатки уже сложил. А это кто? – спросил он, рассматривая Ленку с любопытством, которая сидела на диване.

– Это моя подруга.... Мы домашнее задание делали, – соврал Краснов так нелепо, что все сразу ему «поверили».

– А чего она не в школе? Может у вас здесь медовые каникулы? – спросил чекист и улыбнулся, обнажив свои желтые от табака зубы. – Ну пока мамочка с папочкой в командировке!

– У меня занятия во вторую смену, – соврала Леди. – Я пришла помочь собрать вещи, – оправдываясь перед чекистом, сказала она. – А что тут плохого?

– Да нет ничего – дело молодое! Квартирку нужно сего-

дня же очистить от имущества. Тут теперь будет жить наш начальник отдела.

– Как это? – спросил участковый с удивленным выражением своего лица.

– А вот так вот! – ответил чекист. – Ты Петрович, свою на Рачевке получишь! Там сейчас новые бараки как раз строят. А эта квартирка будет нашему начальнику четвертого отдела ОПЕРОД товарищу Фатееву. Он у нас женился недавно и очень нуждается в добротном жилье с молодой женой.

– А я? – спросил участковый.

– А Ты Петрович, головка от патефона! Ха, ха, ха! Ладно, хорош базлать, околоточный! Садись, будешь писать инвентарные номера. Тут вся мебель казенная, как и квартира! А Ты пацан, давай выноси свои вещички на улицу! И будь наготове, сегодня поедешь в Ярцевский интернат для детей врагов народа! Там из тебя сделают настоящего Советского человека!

– Гы, гы, гы, – засмеялся участковый, словно конь.

Уполномоченный сел за стол на диван и приготовился к описанию имущества. Внутри него все кипело. Он никак не мог ожидать, что та квартирка, которую он подготовил для себя, сейчас достанется кому– то другому.

– На, вот, Петрович, держи акт и ручку.... А мы будем тебе диктовать....

Дядя Жора взял в руки чернильную автоматическую ручку и открыл колпачок. Встряхнув ее на пол, он, глядя на че-

кистов собачьими глазами, приготовился писать.

Тем временем Валерка понемногу стал выносить вещи из квартиры на улицу. Стопки книг, сумки с тряпками, отцовский чемодан, все это он ставил на лавочку возле подъезда, где почти всегда сидели старухи. Нажитых за время службы вещей особо и не было. Квартира, как и мебель все было казенное и поэтому не принадлежало семье Красновых. Отец был красный командир, поэтому люди его сорта всегда обеспечивались жильем за счет государства, которому они преданно служили.

Петрович скрипел пером, аккуратно выводя цифры инвентарных номеров, пока НКВДешники, расхаживая по квартире, ощупывали все и руками – от табурета, до шкафа.

– Вот и чудненько, – сказал один из чекистов, потирая руки, заглядывая через плечо участкового. – Теперь уполномоченный, тут распишись. Тут, тут и тут, – сказал он, пальцем указывая на место для подписей. – Эй, хозяин! – окрикнул он Краснова. – Твой автограф тоже необходим.

Валерка подошел к столу и ничего не подозревая, взял в руки ручку и расписался в указанных местах.

Он еще не знал, что этот его автограф будет скопирован мастерами из управления НКВД и им подпишут протокол допроса его матери. Он не знал, сколько неправды, сколько всяких инсинуаций, интриг и лжи будет закручено вокруг его фамилии. Нужны будут годы, чтобы люди и друзья, знающие его, знающие его семью, поверили в то, что ни отец,

ни мать, ни он, ни в чем не виновны.

– Ну, а теперь, хлопец, собирайся. С нами поедешь, – сказал НКВДешник. – Машина около подъезда. Тебя ждет колония имени товарища Макаренко.

По спине Валерки в тот миг пробежали мурашки. Холодный пот моментально выступил под подмышками, и от этого в ту минуту стало как-то неуютно. В его голове скользнула только одна мысль: «Бежать! Бежать! Бежать!

Валерка, не показывая вида надел летную кожаную куртку, подаренную ему отцом, такой же кожаный летный шлем. Когда он уже был готов, парень словно пружина сжался и прыгнул. Мгновенно, разбив ногой на кухне окно, он, распластавшись, спрыгнул со второго этажа на куст сирени, росший под окнами. Чекисты какое-то время были в полном замешательстве. Сообразив, что Краснов бежал, они бросились к окну, инстинктивно выхватывая на ходу оружие.

Краснов свалился, словно сокол на свою жертву, широко расставив руки. Куст смягчил его падение. Скользнув по согнувшимся ветвям, он будто по стогу сена, скатился на землю.

– Вот же, сученок, сбежал! Сбежал щенок!!! – сказал один из НКВДешников, засовывая «ТТ» во внутренний карман.

– А Ты Петрович, сидишь тут, как у тещи на именинах! Что, не мог парня ухватить!? – заорал старший, ища в ту минуту козла отпущения.

– А че, я? Че, я!? Во, я знал, что он будет в окно сигать!

Пусть себе бежит, он же еще пацан!

– Что Ты сказал!?! – возмутился один из чекистов. – Он не пацан – он сын врага народа! Ему через две недели стукнет восемнадцать лет! А он, как член семьи «немецкого шпиона», должен быть у нас под контролем. Ты что забыл постановление Совнаркома о выселении неблагонадежных на сто первый километр от областных центров!?

– Нет, не забыл, – пробубнил участковый, чувствуя, что все равно он виновен в побеге Краснова. Даже если он и не виновен, то коллеги из ЧК обязательно его таковым сделают, чтобы самим не отвечать.

Ленка, видя, как Валерка скрылся, еще несколько минут находилась в комнате, ничего не понимая. После недолгой перепалки чекистов с участковым, она хотела незаметно выйти из квартиры, но услышала суровый окрик:

– Стоять! Куда собралась?

– Домой, – спокойно ответила Лунева

– А ну, дайка я посмотрю, что ты выносишь из этого дома.... Какую – такую литературу тебе передал подозреваемый в шпионаже, – сказал один из чекистов.

Кровь ударила ей в лицо и ее щеки предательски загорелись. Леночка вспомнила, что спрятала в портфель свои трусики и чулки. В Какой-то миг ей стало стыдно, но что-то щелкнуло в ее сознании. Румянец мгновенно исчез и она, улыбаясь, как ни в чем не бывало, подала портфель любопытному чекисту.

– Ну, коли вам так надо, то ради бога смотрите, – сказала она, и положила портфель на стол.

НКВДешник улыбаясь, открыл замки и высыпал содержимое сумки. Тетради, учебники вместе с девичьими трусиками и чулками выпали из портфеля. Увидев, шелковое нижнее женское белье он опешил и даже слегка отпрянул, будто увидел не трусы, а гремучую змею.

– Это что?

– Что – что!? Что невидно – это женские шелковые трусики из Франции и чулочки, – улыбаясь, ответила Леночка.

– А что они тут делают, – спросил недоуменно НКВДешник.

– Мои трусы! Мои чулки, и портфель тоже мой! – ехидно сказала Лунева, повышая голос. – Куда хочу туда и кладу!!! Хочу на жопу себе натяну, а хочу в портфель засуну!!! Это мои личные вещи!!!

Лицо чекиста стало багровым от злости. Это было сопряжено с особенностями мужской природы. Он не ожидал от девчонки такой дерзости. Руки его, как-то не уверенно затряслись, и чекист, достав папиросу, закурил, чтобы не выдавать своего сексуального волнения.

– Комсомолка? – спросил он.

– Комсомолка, – ответила Ленка

– Шлюха ты, а не комсомолка, – сказал он, делая вопросительный акцент на этом слове.

– Девственница и комсомолка, – гордо ответила Луне-

ва....— Могу справку принести от женского доктора....Ответишь потом за оскорбления....

— Забирай свои манатки, и чтобы духу твоего не было. Изыди сатана! — сказал чекист и глубоко задышал, не скрывая гнева.

Лунева улыбаясь, подошла к столу и с чувством победителя в схватке с мракобесами стала не спеша, но очень эротично складывать в портфель свои вещи. Сперва, она положила книги. Потом тетради. Когда дошла очередь до белья, она растянула перед чекистами чулок, и улыбаясь спросила:

— Вы мне не подскажете? Вам нравится этот цвет? А то мой парень еще сильно молод. У него совсем нет опыта.

Чекист поперхнулся.

— Красивый цвет.... Я бы своей жене купил бы такие....

По испарине, проступившей на лбу чекиста, она поняла, что он чрезвычайно перевозбужден. От него прямо исходили флюиды мужской страсти, которая нагнеталась особенностями мужской природы.

Лунева развернула перед мужиками розовые шелковые трусики с белыми рюшечками и вкрадчивым голосом спросила:

— Товарищ, а ваша жена носит такое белье или у вас в ГПУ, выдают для членов семей сотрудников ЧКа, форменные синие семейные трусы с красными лампасами?

У участкового уполномоченного дяди Жоры, от таких слов, сказанных Леночкой Луневой, открылся рот, а ручка

выпала из руки. Надо было видеть лица НКВДешников. Такого позора и унижения от семнадцатилетней девчонки, они в своей практике никогда не испытывали.

– Ты Лунева, брось свои штучки–дрючки! Знаем мы таких! Смотри вслед за

Красновым по этапу пойдешь.

– А, что вы мне сударь, предъявить изволите: кражу секретной выкройки семейных трусов или вступление в интимные отношения с сыном врага народа? А может я, мешаю вам исполнять ваш служебный долг, вместо супружеского долга?

– Выйди вон – заорал один из чекистов, – шалава!!! Ведьма!!!

– Не шалава, а девушка еще! Завтра, накатаю жалобу вашему начальнику Фатееву, за оскорбления. А участковый подтвердит, – сказала Ленка, и, схватив портфель, направилась к выходу.

Брошенные Красновым вещи лежали невдалеке от подъезда. Стопки книг, большой чемодан с одеждой и узлы с вещами матери и отца. Все это могло стать добычей жуликов и пьяниц. Лена, зная об этом, постучала в квартиру тетки Фрузы, которая жила на первом этаже.

– Тетя Фруза, здравствуйте! Могу я у вас оставить вещи Красновых? – спросила Леночка у пожилой женщины с красно – синим лицом.

Стоя в дверях, тетя Фруза курила папиросу. Глубоко затягиваясь, она дымила Ленке в лицо. В ее волосах торчали

бигуди, сделанные из разноцветных тряпочек, которые торчали в разные стороны, словно антенны.

– Ну, и шо? – спросила она, перебрасывая папиросу из одного уголка рта в другой.

– Тут вещи Красновых, нужно их на время спрятать, – сказала Ленка, уже более кротким голосом.

– Ну, и шо! Я вам шо, вокзальная камера хранения! Знаем мы этих, шпиенов! Сегодня я оставлю их шмотки, а завтра придет связной и будет у меня пароли всякие спрашивать? Нет, милая! Я покараулю, пока ты к себе домой их переносить будешь, но не более.... Пущай тебя германские связные домогаются! Я женщина пожилая, одинокая и дюже нервная!

– И на этом спасибо! – со вздохом сказала Лена.

Она вышла из подъезда и, взяв в руки стопку книг и фанерный чемодан, медленно поплелась домой. Пройдя несколько метров, она ставила ношу и, немного отдохнув, вновь взяв тяжелые вещи, продолжала путь.

Леночка Лунева жила в деревянном двухэтажном доме. Это было не далеко от каменного дома Красновых, но даже это расстояние давалась с трудом. Валерка, собирая вещи, рассчитывал на мужскую силу. Он не думал, что весь этот домашний скarb придется нести хрупкой девчонке.

Неожиданно Луневу кто-то окрикнул. Она всем телом дернулась и выпустила узлы.

– Лен, а Лен! Чекисты уехали? – слышался из-за сарая голос Краснова.

– Уехали, – ответила девчонка, озираясь по сторонам.

– А этот участковый дядя Жора с ними? – вновь спросил Валерка.

– Дядя Жора дождался, когда они уедут, а сам пошел в опорный, жрать водку, – ответила Леди, и опустила перед Красновым его фанерный чемодан.

– Леночка, давай мне эти шмотки. Я тут пока покараулю. Я вижу, тетя Фруза, старая сука, уже примеряет мамкины вещи, – сказал Краснов. – Жаль, что пацаны в школе, так бы сами все перенесли.

– Ты не переживай, я все перенесу сама, – сказала Ленка и, осмотревшись, вернулась к подъезду.

Там, озираясь по сторонам, словно воровка, стояла тетя Фруза, которая прячась за сиреневый куст, уже полноправной хозяйкой шарилась в чужих узлах. Она вытаскивала кофточки Светланы Владимировны и, прикинув себе на грудь, тут же на несколько секунд скрывалась в подъезде.

– Ты уже все отнесла? – удивилась тетя Фруза, выйдя из подъезда.

– А что, я вам помешала чужие вещи воровать? – спросила Леди, глядя с чувством сожаления и пренебрежения в глаза соседки Красновых.

– Ты что, шалава, мне такое говоришь! Мне пролетарке! Да я честнее всех в этом районе! Ко мне ЧК по вечерам не приходит! Сам околоточный меня уважает!

– Уважает за самогон, которым вы торгуете днем и ночью.

Спекулянтка! – сказала Ленка с пренебрежением в голосе.

– А ты, что сучка, видела? Ты видела, чтобы меня, честную гражданку Советского Союза в спекулянтстве обвинять, как дешевую НЭПманку? Да я в управление НКВД пойду, чтобы этого майора с его женкой, посадили на пятнадцать лет, как Ваньку «Шерстяного» с этим Сашкой Фирсановым. Пусть в Магадан едут золото мыть – шпиены сраные!

– Ах, тетя Фруза, тетя Фруза – знали бы вы... Леонида Петровича, уже два месяца как расстреляли, – тихо сказала Лена. – Не на кого вам больше жаловаться!

Тетя Фруза прикрыла ладонью рот, чтобы не заорать от ужаса. Выкатив из орбит глаза, она медленно–медленно стала сдавать назад, стараясь широким задом попасть в двери подъезда. От этакой новости ее начал бил озноб. Она представить себе не могла, что ее соседа больше нет в живых. Хоть и была эта тетка до глубины души стервозная и сквалыжная, но смерти она никогда никому не желала, в силу своей веры в Бога.

– Да как же это?! Как же это?! – с дрожью в голосе причитала она.

Ощувив задом дверной косяк, он присела в проеме на порог. – Да как же это может... – проговорила она. Заткнув рот ладонью, она, что было сил, закричала. Эта новость настолько поразила ее, что соседка Фруза не на шутку испугалась. Закрывшись в квартире, она упала на колени перед иконой и обратила к Господу свои раскаявания.

– Фруза, кофту сперла, – сказала Леночка, подходя к Валерке.

– Да, я видел, как она по узлам шарилась.... Бог ей судья! – сказал Краснов и, подхватив узлы, направился в дом к Елене.

Глава тринадцатая

Нужный человек

Октябрьский ветер гнал по городским улицам желтую листву, напоминая о том, что тепла уже ждать, не стоит. Краснов сидел на знаменитом бревне, рядом с футбольным полем, и, закинув руку на плечо, обнимал Ленку, прижимая её к себе, как самое драгоценное, что у него осталось в этой жизни. Отключившись, от произошедшего, он смотрел тупо в одну точку, стараясь осмыслить сложившуюся ситуацию. В его голове от

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.